

Коллектив авторов

**Сборник рефератов
по истории. 9 класс**

«Научная книга»

Коллектив авторов

Сборник рефератов по истории. 9 класс / Коллектив авторов — «Научная книга»,

Сборник рефератов по истории для 9 класса является хорошим дополнительным материалом для изучения истории и подготовки к выпускным экзаменам по курсу основной средней школы. В сборнике содержатся рефераты, отражающие политическую, экономическую и духовную жизнь России с конца XIX до Начала XXI века. Интересно представлены портреты исторических личностей, о которых еще несколько лет назад в курсе истории говорили лишь обзорно. Это Колчак, Деникин, Врангель. Ярко эмоционально на основе интересного нового документального материала написаны рефераты, посвященные годам сталинских репрессий, Великой Отечественной войне. Много используется местного документального материала – о работе Саратовского Губ ЧК, о месте Саратовской области в борьбе против немецко-фашистских захватчиков. В рефератах, посвященные последним годам XX века, весьма интересны материалом по многопартийности России и о современной российской культуре. Во всех работах используются новейшие материалы российских и зарубежных историков. Пособие может быть рекомендовано учащимся 9-х, 10, 11 классов как дополнительный материал для уроков истории и для подготовки к выпускным экзаменам. Высокий уровень рефератов, их проблематика и используемый материал позволяет рекомендовать данный сборник учащимся средних специальных учебных заведений и студентам ВУЗов. Список авторов: Пушнова Ю. Б., Синчугова Л. А., Гусева В. С., Блонский Л. В., Артамонов Д. С., Назарова Е. С., Горбатов В. П., Шутова Ю. В., Попов С. Н., Шатаев А. В.

© Коллектив авторов

© Научная книга

Содержание

РОССИЯ В XX ВЕКЕ	6
РАЗДЕЛ I. РОССИЯ В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВЕКА	6
ТЕМА 1. РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ	6
РЕФЕРАТ: «ВЕЛИКИЕ МЯТЕЖНИКИ»	6
ТЕМА 2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ	13
РЕФЕРАТ: «СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.»	13
ТЕМА 3. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА НИКОЛАЯ II В 1894–1904 ГГ	23
РЕФЕРАТ: «НИКОЛАЙ II. КРУШЕНИЕ НАДЕЖД»	23
ТЕМА 4. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В 1894–1904 ГГ	28
РЕФЕРАТ: «РОССИЯ И АНТАНТА»	28
ТЕМА 5. НАЧАЛО ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. 1905 Г	32
РЕФЕРАТ: «ПРИЧИНЫ КРОВАВЫХ СОБЫТИЙ 9 ЯНВАРЯ 1905 Г.»	32
ТЕМА 6. ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ 1906–1907 ГГ	44
РЕФЕРАТ: «ПЕРВАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА. 1906 Г.»	44
ТЕМА 7. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В 1907–1914 ГГ	57
РЕФЕРАТ: «ВЕЛИКАЯ РОССИЯ БЕЗ ВЕЛИКИХ ПОТряСЕНИЙ (РЕФОРМЫ П. А. СТОЛЫПИНА)»	57
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Коллектив Авторы

Сборник рефератов по истории. 9 класс

РОССИЯ В XX ВЕКЕ

РАЗДЕЛ I. РОССИЯ В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВЕКА

ТЕМА 1. РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ

РЕФЕРАТ: «ВЕЛИКИЕ МЯТЕЖНИКИ»

ПЛАН

1. Мятежное время. Россия на рубеже XIX–XX вв.
2. Состояние науки. «Курс русской истории» В. О. Ключевского
3. Образование в России
4. «Художественный общедоступный». Значение развития театра для российской культуры

1. МЯТЕЖНОЕ ВРЕМЯ. РОССИЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Весь период русской истории с последних десятилетий XIX в. до революции 1917 г. характеризуется большими изменениями в общественной жизни страны. Обострение внутренних противоречий было подготовлено развитием капиталистических форм экономики, углублением кризиса патриархально-дворянской государственной системы, возрастающей активностью рабочего класса.

Осенью 1894 г. на престол вступил последний царь из династии Романовых – Николай II, который стремился к сохранению монархической власти. Его характеризовали многие и положительные, и отрицательные черты, но одна из них интересно отражала общее настроение народа. Как известно, в переломные моменты в истории народа проявляются богословско-мистические и даже фатальные настроения. В сознании людей усугубляются мысли о «конце света», приходе Антихриста, втором пришествии Спасителя. Развивается «деятельность» разного рода колдунов и чародеев. Даже русская императрица Александра Федоровна, напуганная рождением сына, больного гемофилией, и желая любыми способами если не вылечить, то хотя бы сохранить жизнь царевича Алексея, окружает себя разными шарлатанами. Рядом с ней богомолка Дарья, странник Витоний, Матрена-босоножка, юродивый Митя Казельский и другие «символы народа-богоносца». Но самым прочным и разрушительным оказалось влияние Григория Распутина.

Часто вместо принятия энергичных мер Николай II выслушивал мнение своего духовного наставника «старца Григория». Почти десятилетняя дружба связывала царскую семью с этим человеком. «Наш Григорий», как ласково называла его императрица, решал важные государственные дела – размещал своим «клиентам» выгодные заказы, жаловал земли, должности. Силой «мудрого божьего провидения», излучаемого от «несравненного Григория», смещались

министры, губернаторы, командующие фронтами. Часами длившиеся встречи строго оберегались. Никто не мог нарушить уединенных бесед Николая II и Григория Распутина.

Интересны воспоминания князя В. Юсупова, одного из убийц Распутина: «Пока он (Распутин) говорил, я внимательно следил за выражением его лица... Меня все больше и больше поражали его глаза, и поражающее в них было отвратительно. Не только никакого признака высокой одухотворенности не было в физиономии Распутина, но она скорее напоминала лицо сатира: лукавое и похотливое. Особенность же его глаз заключалась в том, что они были малы, бесцветны, слишком близко сидели один от другого в больших и чрезвычайно глубоких впадинах, так что издали глаз даже и не было заметно – они как-то терялись в глубине орбит. Благодаря этому иногда даже трудно было заметить, открыты у него глаза или нет, и только чувство, что будто иглы пронизывают вас насквозь, говорило о том, что Распутин на вас смотрит, за вами следит. Взгляд у него был острый, тяжелый и пронизательный. В нем действительно чувствовалась скрытая нечеловеческая сила. Кроме ужасного взгляда, поражала еще его улыбка, слащавая и вместе с тем злая и плотоядная; да и во всем его существе было что-то невыразимо гадкое, скрытое под маской лицемерия и фальшивой святости».

Влияние Распутина на царскую семью и особенно на императрицу способствовало падению престижа Николая II. Выражение «распутинщина» стало синонимом разложения царской власти. Неудовлетворительная деятельность царского правительства и Государственной думы послужили основой роста оппозиции в стране. Царизм по природе своей враждебен просвещению. Но квалифицированные кадры были нужны для развивающейся промышленности, транспорта, здравоохранения, государственной службы. Самодержавие вынуждено было иногда проявлять внимание к просвещению, открывать новые учебные заведения, разрешать издание журналов и открытие научных обществ. К началу XIX в. в России было только одно высшее учебное заведение (Московский университет, открытый еще в 1755 г.), а уже в начале 1860-х гг. их стало 14.

К 1896 г. открыто 63 вуза. Россия заняла третье место в мире после Франции и Германии по количеству названий издаваемой литературы. К 1897 г. общий уровень грамотности населения вырос более чем в три раза и составил 21,1 %. Но средних школ в стране было по-прежнему мало, даже начальных школ не хватало. Количество их росло, но очень медленно, оно не успевало за потребностями развивающейся экономики. В 1910 г. почти 1000000 детей не были зачислены в начальную школу из-за отсутствия мест. Государство только на словах проявляло заботу о просвещении. Достаточно вспомнить школьный устав 1828 г. или циркуляр 1887 г. «О кухаркиных детях», охранительный университетский устав 1884 г. Допуская рост просвещения, царизм управлял им так, чтобы просвещение было уделом только господствующих классов.

Аналогично относилась монархия и к развитию науки в России. За «неблагонамеренность» власти преследовали ученых с такими именами, вышедшими из только российского значения. Из университета уволены ботаник К. А. Тимирязев, историк В. И. Семевский, социолог М. М. Ковалевский. Покинули родину и работали на чужбине С. В. Ковалевская, И. М. Мечников. Не было использовано сделанное А. С. Поповым в 1895 г. открытие радио.

Но несмотря на равнодушие или открытые нападки со стороны властей, науки все же развивались, поскольку этого требовали экономические потребности страны, промышленный рост, сельское хозяйство, освоение новых земель.

После революций 1905–1907 гг. произошла определенная демократизация высшей школы. Были разрешены выборы деканов и ректоров, студенческие организации. В 1911 г. в знак протеста против неудовлетворительного отношения государства к университетам была организована студенческая забастовка, поддержанная профессурой Московского университета. В результате получили отставку известные профессора В. И. Вернадский, Н. Д. Зелинский, К. А. Тимирязев, С. А. Чаплыгин. Был учинен настоящий разгром университета. В ответ

на это 125 лучших ученых покинули его в знак протеста против реакционных правительственных акций.

2. СОСТОЯНИЕ НАУКИ. «КУРС РУССКОЙ ИСТОРИИ» В. О. КЛЮЧЕВСКОГО

В рассмотрении культуры конца XIX-начала XX вв. было бы несправедливо не обратиться к имени того, кто работал в то время, а возвратился к нам только сейчас, – к имени Василия Осиповича Ключевского (1841–1911 гг.). Основной труд Ключевского «Курс русской истории», как бы его ни оценивали в прошлом, остается памятником русской исторической мысли, содержащим в себе концепцию исторического развития России. Первая часть курса вышла в 1904 г., четвертая – в 1910 г. Читательский интерес был огромным, и параллельно с изданием отдельных частей происходили переиздания уже вышедших.

При жизни имя этого ученого было широко известно и пользовалось огромной популярностью. В 20–40 гг. XX в. в критике культурного и научного наследия оно оценивалось по-разному, часто двойственно. Но одно оставалось очевидно – его научное значение. С 50-х гг., когда творчество Ключевского было изучено глубже, вновь возрос интерес к его имени. В настоящее время его труды стоят в ряду с работами крупнейших деятелей мировой и российской культуры.

Что же происходило с критикой его труда? Дело в том, что концепция исторического процесса в России, отраженная В. О. Ключевским в «Курсе русской истории», противостояла взглядам государственной школы русских историков второй половины XIX в., основное внимание акцентировавшей на роли государства в истории Отечества и проблеме его управления в правовом аспекте.

Ключевский отрицательно относился к принятому взгляду об исключительно самобытном характере исторического пути России. Опыт чтения курсов по всеобщей истории привел ученого к вопросу об общеисторическом процессе, в котором каждая «местная» история имеет своеобразие.

Но «...успехи людского общежития, приобретение культуры или цивилизации... созданы совместными усилиями всех культурных народов, и ход их накопления не может быть изображен в тесных рамках какой-либо местной истории...».

В дневниках В. О. Ключевского остались воспоминания о том, что он боялся революции и призывал к классовому миру; однако, вместе с тем, он выдвигает тезис о необходимости «исторического воспитания народа» как условия его бытия.

Теоретическая основа учения Ключевского опиралась на триединство: человеческую личность, людское общество и природу страны. Их он считает теми историческими силами, которые строят людское общежитие. В условиях России Ключевский отдавал приоритет географической среде, в рамках которой происходила борьба трудовой деятельности человека с природой и в зависимости от которой создавались «различные сочетания отечественных элементов».

Особое место в творчестве Ключевского занимала проблема личности в истории. Она представлялась ему первостепенной силой. Ключевский подходил к проблеме личности вне принадлежности ее к тем или иным социальным слоям Отечества с их классовыми интересами. Художественная одаренность позволяла ученому проникать в тайники человеческой личности как в ее частной, так и в общественной жизни. Он, например, помог Ф. И. Шаляпину найти сценический образ Бориса Годунова. Сам он во время бесед с Шаляпиным пробовал создать образ князя Василия Шуйского. Шаляпин был поражен актерским перевоплощением Ключевского.

В связи с самодержавием Ключевский высказывал очень оригинальную точку зрения. В «Курсе русской истории», рассказывая о Петре I и его времени, он высказал резко отрицательное отношение к самодержавию как к политической системе. Характеристику Петру I и его эпохе он завершает такими словами: «Самовластие само по себе противно как политический принцип. Его никогда не признает гражданская совесть. Но можно мириться с лицом, в котором эта противоестественная сила соединяется с самопожертвованием».

Вообще, Ключевский рассказывал историю своего государства не так, как было принято до него. Он пошел не только дальше Карамзина, но и дальше своего учителя Сергея Михайловича Соловьева (профессора, заведующего кафедрой русской истории Московского университета). Ключевский первым начал серьезно исследовать экономические процессы, выдвинул на первый план историю не царей, как это делал Карамзин, и не государства, как делал Соловьев, а народа; отказался от общепринятой традиции освещать историю России по царствованиям. «Цари со временем переведутся. Это мамонты, которые могли жить лишь в допотопное время». Раскрывая личность, историк создавал малопривлекательные образы российских монархов. Неприятие Ивана IV, ирония над Алексеем Михайловичем, отрицательное, но завуалированное отношение к Екатерине II. И только Петра I оправдывал историк за личное мужество и самопожертвование. Преемников Екатерины II – Павла I, Александра I и Николая I – он прямо называл чужими России людьми.

История русской культуры стала одним из направлений в исследованиях Ключевского. Проблему истории он рассматривает в органической связи с социальными изменениями в России. В наибольшей степени антидворянские взгляды историка проявились в своеобразной оценке дворянской культуры XVIII–XIX вв. Ключевский восхищался творчеством А. С. Пушкина. Исследователь подчеркивал не только глубоко национальный характер творчества А. С. Пушкина, но и его значение в развитии мировой культуры. «Целый век нашей истории работал, – писал Ключевский, – чтобы сделать русскую жизнь способной к такому проявлению русского художественного гения».

Ключевский проявлял постоянное внимание к исторической науке, анализируя творчество своих непосредственных предшественников и старших коллег. В университете он читал специальные курсы по историографии.

Среди сохранившихся сочинений Ключевского интерес представляют две его рукописи, опубликованные впервые в 1983 г., – «Русская историография 1861–1893 гг.» и «Юбилей Отечества истории и древностей российских». В. О. Ключевский рассуждал в них о серьезных проблемах своего времени – о связи между отечественным мышлением и историческим прошлым, о задачах исторической мысли и преемственности поколений в изучении отечественной истории. Надо сказать, что среди учеников, в которых Ключевский воспитал любовь к родной истории и культуре, был Павел Николаевич Милюков – министр иностранных дел Временного правительства.

Большое значение для развития гуманитарных наук имело открытие при Московском университете музея, носившего название учебно-вспомогательного. Теперь это Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Он был создан в 1912 г. при непосредственном участии профессора Московского университета Ивана Владимировича Цветаева и размещался в здании, специально для него построенном архитектором Романом Ивановичем Клейном. Средства на строительство и создание этого музея собирались обществом по подписке. В музее сначала экспонировалась подобранная коллекция слепков шедевров античной, средневековой и ренессансной скульптуры. Затем собрание пополнилось произведениями подлинной скульптуры, живописи, декоративно-прикладного искусства Древнего мира, Средних веков, Нового времени, современности.

3. ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ

А как же было поставлено общее и специальное образование в России к тому времени, когда большевики еще не взяли власть и не поставили вопрос о всеобщей грамотности? Система народного образования в предреволюционной России включала в себя: начальные училища одноклассные и двухклассные. В них учились от 3 до 6 лет. Высшие начальные училища – с 4-летним образованием. По земской принадлежности училища делились на земские, церковно-приходские, городские, министерские, фабричные. Среднее образование давали гимназии (мужские и женские), реальные и коммерческие училища, духовные училища и семинарии, кадетские корпуса и институты благородных девиц, епархиальные училища.

Несмотря на большой выбор учебных заведений, образование было привилегией дворян, помещиков, чиновников. Самый большой срок обучения в них был 8 лет. Специальное образование давали ремесленные, сельскохозяйственные, торговые и другие училища и школы. Эти учебные заведения уже не были привилегированными. Учителей для всех этих разнообразных школ и училищ готовили учительские семинарии и учительские институты (4-х и 3-годичные соответственно). Высшее образование давали университеты с 4-летним курсом обучения, высшие женские курсы, духовные академии. Технические, экономические и сельскохозяйственные вузы готовили специалистов для растущей экономики и промышленности.

Дети рабочих имели ограниченный доступ к образованию из-за разрыва между качеством знаний начальной и средней школы, неравномерностью распределения по стране учебных заведений и высокой платы за обучение в средних и высших учебных заведениях. Таким образом, в конце XIX в. Россия сильно отставала от развитых европейских стран по уровню образования. Некоторые районы были полностью неграмотными. Но зато тот, кто смог получить образование, мог с полной уверенностью называть себя интеллигентным человеком. В гимназиях изучали и точные науки, и полный набор гуманитарных, включая логику и закон Божий, историю и словесность. Целых 16 часов в неделю отводилось на изучение иностранных языков. Занимались греческим, латынью, немецким и французским, в основном письмом и устными переводами на иностранный с русского.

При хорошем уровне образования учителя гимназий не боялись ставить двойки тем, кто этого заслуживал, не обращая внимания на процент успеваемости. Двоечники оставались на второй и даже на третий год в одном классе. Получившие аттестат, кроме основных знаний, могли похвастаться свободным владением иностранными языками. Направление в основном на гуманитарные науки позволяло сформировать у гимназистов определенное европейское мировоззрение, высокую нравственность, давало возможность приобщиться к общеевропейской культуре. Тем более, что новая научная литература выходила в основном на немецком и французском языках. Реальные училища давали естественнонаучное образование. По инициативе С. Ю. Витте 15 апреля 1896 г. было сформировано Положение о коммерческих учебных заведениях. Так возникли коммерческие училища, торговые школы, коммерческие курсы, торговые классы.

Российское общество всегда уделяло внимание обездоленным, сиротам. Издревле при монастырях существовали богадельни и «дома призрения». В дореволюционной России возникло явление, не имевшее аналогов. В Кронштадт высылали из Петербурга бродяг, нищих, подобранных на улицах столицы пьяниц. Жили эти совершенно опустившиеся люди на окраинах города в полуразвалившихся домишках-лачугах. Там царили нищета, темнота, грязь. Проблемой таких людей занялся священник отец Иоанн Кронштадтский. Его подвижническая деятельность была направлена в основном на помощь детям-сиротам. С помощью привлеченных Иоанном людей в Кронштадте был создан городок, названный Домом трудолюбия. Работа в нем не требовала ни особых знаний, ни силы. В этом городке была школа для детей, мастер-

ские, в которых учили какой-либо профессии. Самым удивительным там было наличие достаточно большой библиотеки, в которой даже устраивались лекции с показом диапозитивов (!) и концерты.

Открыт был приют для детей-сирот и детский дом для маленьких детей, матери которых работали. На лето устраивали лагерь для детей за городом. Не имевшие жилья могли ночевать в большом доме за 3 копейки.

Огромный вклад в развитие культуры, подъема уровня образованности России внесли российские меценаты. Галереи, выставки, музеи, частные собрания, Третьяковская галерея, музей Бахрушина, Русский музей, Музей изящных искусств были бы невозможны без их настойчивых поисков, без собирательства отечественных ценностей культуры. Большую коллекцию французской живописи авангарда собрали фабриканты Щукины. С. И. Мамонтов основал Московскую частную русскую оперу, которая вырастила много талантливых композиторов, актеров, певцов, музыкантов, декораторов. В ней впервые поставлена опера «Снегурочка» Н. А. Римского-Корсакова.

Интересна судьба целой династии меценатов Морозовых. Основатель династии Савва Васильевич сам, будучи крепостным (!), начал изготовление шелковых лент на продажу и в 1820 г. освободил всю свою семью за 17 тыс. рублей. Четверо сыновей С. В. Морозова славились своей широкой благотворительной деятельностью. Они не только собирали произведения искусства, ими были основаны институт для лечения онкологических заболеваний при Московском университете, детская больница им. С. Т. Морозова, богадельня им. В. А. Морозова, психиатрическая клиника, бесплатные читальни, музей кустарных изделий.

Один из последних Морозовых, Савва Тимофеевич (1861–1905 гг.), очень любил театр, сам пробовал себя на сцене любительских театров. Он вложил немалые по тем временам деньги – полмиллиона рублей, в создание Московского художественного театра и возглавил его строительство. В театре тех лет идет настойчивый поиск новых форм и средств выразительности. Именно в это время в России становятся известны имена К. Станиславского, В. Мейерхольда, Е. Вахтангова. Три великих режиссера дали миру новый взгляд на театр, актера, зрителя.

Театр – одна из существенных сфер культуры, его прогрессивное развитие уже много десятилетий идет под знаком творческого освоения эстетических идей великого реформатора сцены Константина Сергеевича Станиславского. Почти все театральные школы, теории, течения, направления начала XX в. испытали на себе воздействие системы Станиславского. Его эстетические принципы находят яркое выражение в высших актерских и режиссерских достижениях современного театра. Не случайно наибольшим признанием пользуются актеры и режиссеры, предельно правдивые в своем творчестве, поражающие искренностью, глубиной чувств, мыслей и переживаний, органичностью перевоплощения, делающие зрителей как бы соучастниками изображаемых событий.

В творчестве Станиславского наиболее полно выражены те черты русской театральной культуры, на которых основана ее всемирная слава: глубокая правдивость художественного отображения жизни, сила патриотического чувства, острота постановки социальных вопросов, уважение к человеку, тонкое и чуткое проникновение в его внутренний мир. Только Станиславскому и Немировичу-Данченко удалось создать новый тип театра с ярко выраженной демократической направленностью, последовательного в своем стремлении к жизненной правде, к подлинному гуманизму, т. е. театр передовых художественных принципов, театр высокой идейной силы.

В результате изучения объективных закономерностей творческого процесса Станиславский убедился в неразрывном, органическом единстве психических и физических начал в творчестве, присущем всем актерам реалистической школы. Станиславский доказал, что приемы творчества могут быть различны у каждого актера, но что при всем различии существуют общие, обязательные для каждого актера закономерности творческого процесса. От

умения актера правильно организовать на сцене свои физические действия (как Станиславский условно называет внешнюю сторону воплощения роли) непосредственно зависит и внутреннее их оправдание. Создание сценической роли мыслилось как естественный, последовательный процесс, идущий от овладения логикой действующего персонажа, и высшее искусство актера состоит в том, чтобы уметь жить на сцене логикой действующего лица.

На основе этих традиций сложились идейные и художественные принципы того театра, который появился на исходе XIX в. под многозначительным названием «Художественный общедоступный».

4. «ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБЩЕДОСТУПНЫЙ». ЗНАЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ ТЕАТРА ДЛЯ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Возникнув как театр современный, тесно связанный с жизненным опытом и идейными, нравственными исканиями передовой русской демократической интеллигенции, найдя сценическое воплощение в не понятых старым театром пьесах Чехова, а потом и в пьесах Горького, МХТ (Московский художественный театр) в то же время много и последовательно работал над постановками выдающихся произведений русской классики. И это было не только репертуарными поисками молодого театра, не мыслившего своей художественной программы без опоры на классические традиции художественной национальной школы. Идеи Пушкина о театре, родившемся на площади и жаждущем освобождения от узких придворных рамок, высказывание Гоголя об актерском творчестве, разработанная Островским программа создания народного, общедоступного театра, который должен разъяснять зрителю моральные и общественные вопросы, задаваемые жизнью, помогли Станиславскому определить общественно-политическое и художественное направление реформы.

В своей книге «Моя жизнь в искусстве» Станиславский пишет: "...Программа начинающегося дела была революционной. Мы протестовали против старой манеры игры, и против театральности, и против ложного пафоса декламации, и против актерского наигрыша, и против дурных условностей постановки, декораций, и против притворства, которое портило ансамбль, и против всего строя спектаклей, и против ничтожного репертуара тогдашних театров. В своем разрушительном, революционном стремлении, ради обновления искусства, мы объявили войну всякой условности в театре, в чем бы она ни проявлялась: в игре, постановке, декорациях, костюмах, трактовке пьесы и прочее... Общий строй спектакля подлежал также пересмотру и обновлению... Пришлось бороться с вековыми условностями строя спектакля. В нашем театре были отменены выходы артистов на аплодисменты не только во время действия, но и в антрактах, и по окончании спектакля.

...Всюду лакеи и билетеры были во фраках или в ливреях с золотыми пуговицами и галунами, как в императорских театрах. Они, не стесняясь, шмыгали по всем направлениям зрительного зала, мешая актерам играть, а зрителям – понимать и слушать то, что происходило на сцене... Но вот однажды, вскоре после отмены выходов артистов на аплодисменты, я заметил группы запоздавших зрителей, бегавших по переулку нашего театра: они торопились до начала спектакля усесться на свои места. Что же случилось? Актеры перестали повиноваться зрителям, перестали выходить на их вызовы. Не чувствуя себя более полновластным хозяином в театре, зритель подчинился нашему правилу, хотя и с запозданием.

...Наиболее важная работа предстояла с артистами. Надо было спаять, слить воедино, привести к одному знаменателю всех членов труппы – молодых и старых, любителей и профессионалов, неопытных и опытных, талантливых и неодаренных, испорченных и нетронутых. Надо было ознакомить новых членов труппы с главными основами нашего искусства".

Станиславский был в молодые еще годы потрясен игрой Сальвинии Моисси, Ермоловой и Федотовой, Ольги Садовской и Михаила Садовского. И когда молодой любитель, никому

не известный Алексеев (Станиславский – взятый позже псевдоним) восхищался поразительной жизнью великих артистов в сценических образах, он задумывался над тем, по каким законам совершается это волшебство. Станиславский стал по-настоящему счастливым человеком не просто потому, что искал, но и нашел. Он ничего не придумывал умозрительно, а вывел открытые им законы, наблюдая за игрой корифеев отечественной и мировой сцены. И когда Станиславского спрашивали, в чем состоит смысл его системы, он отвечал: «Система – это сама жизнь».

Станиславский при жизни стал признанным учителем и воспитателем артистических поколений. Но он никогда не заявлял – не считаем этого и мы, – будто система может творить таланты. Она только служит им. Ее предназначение – утверждать на сцене правду жизни, высокие идеалы гуманизма и гражданственности. Сам Станиславский расценивал свою театральную деятельность как гражданское служение России, служение прогрессу духовной культуры и всего человечества.

Таким образом, театр Станиславского и Немировича-Данченко – МХАТ – стал одним из центров художественного движения новой эпохи.

Наступал «серебряный век» русской культуры, наложивший отпечаток на всю жизнь российского общества.

«Серебряный век» – эпоха выдающихся художественных открытий, новых направлений, которые дали огромное множество имен поэтов, прозаиков, живописцев, композиторов, актеров. Символизм, акмеизм, модернизм, футуризм, авангардизм, неоантичность стали благодатной почвой и судьбой для А. Блока, Ф. Сологуба, Д. Мережковского, З. Гиппиус, Вяч. Иванова, К. Иванова, В. Холодной, В. Маяковского, В. Хлебникова, М. Цветаевой, А. Ахматовой, И. Стравинского, С. Рахманинова, В. Кандинского, А. Бенуа, К. Станиславского и В. Мейерхольда. Этим имен хватило бы на историю культуры целого народа, и не на одну эпоху!

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Георгиева Т. С. История русской культуры. М., 2000.
2. 3. Поспелов Г. Г. Русское искусство начала XX века. Судьба и облик России.
4. 5. Пашков Б. Г. Русь. Россия. Российская империя. М., 1997.
6. 7. Сибиряков Н. Н. Мировое значение Станиславского. М., 1988.
8. 9. Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве. М., 1948.
10. 11. Троицкий Н. А. Лекции по русской истории XIX века. М., 1994.

ТЕМА 2. СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

РЕФЕРАТ: «СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.»

ПЛАН

1. Введение
2. Такое важное строительство железных дорог
3. Небывалый подъем в промышленности
4. Домашние промыслы, ремесла и мелкотоварное производство

5. Российский премьер и его курс на оздоровление экономики страны
6. Заключение

1. ВВЕДЕНИЕ

В конце XIX-начале XX вв. в числе ведущих мировых держав Россия вступает в новый период экономического развития, для которого характерно образование крупных монополий в различных отраслях промышленности и банковского дела, значительное развитие производительных сил всего народного хозяйства, усиление борьбы между государствами мира за рынки сбыта и сырья, за передел колоний, а также создание военно-политических блоков, что, как известно, порождает мировые войны.

Этот период в экономическом развитии России имеет свои характерные черты – и по причине необычайной огромности территории государства, и в силу особенностей национального характера, а также общей непохожести исторического развития страны, точнее, его политической системы.

В то же время следует отметить, что в качестве аграрно-индустриальной страны Россия вовсе не была государством, чей уровень экономического развития был ниже уровня экономики азиатских или европейских стран. По отдельным экономическим показателям Россия уступала лишь таким развитым в промышленном отношении странам, как Германия, Англия, Франция и США.

Итак, каков же был уровень экономического развития России на рубеже XIX–XX вв.?

2. ТАКОЕ ВАЖНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

Развитая железнодорожная сеть, как известно, есть «кровеносная система» государства, без которой невозможны ни технический прогресс, ни успешное развитие хозяйства страны в целом. Потому строительству железных дорог и состоянию транспорта вообще в период с 1897 по 1917 гг. уделялось так много внимания. Правительство форсировало развитие железнодорожного строительства, что выражалось в системе концессионных мер. Концессии содействовали тому, что частные лица с большим желанием начинали строительство железнодорожных магистралей.

Так, на рубеже веков владелец крупного машиностроительного завода Вейхельта частный предприниматель фон Дервис связал хлебородную Саратовскую губернию с центром Москвы, а купец Савва Морозов провел магистраль из Архангельска через древний Ярославль.

К 1 января 1906 г. было завершено строительство важной в экономическом и стратегическом отношении Транссибирской магистрали. Длина пути – 5650 верст. «Величайшее железнодорожное дело мира» способствовало увеличению населения городов, через которые проходил Сибирский путь. В связи с этим значительно возросло население Омска, Хабаровска, Владивостока, Читы. Появились новые города со многими десятками тысяч жителей: Новониколаевск – на Оби, Никольск-Уссурийский. «Так завершилось, – сказал министр финансов Н. Х. Бунге, – одно из величайших завоеваний цивилизации культуры, доселе известных миру». Прокладка ветки от Сибирской магистрали – Восточно-Китайской железной дороги – на Порт-Артур удлинит путь, если считать от Москвы, до 10 000 верст. При этом население Маньчжурии, по которой пролегал путь, увеличилось с 1,5 до 12 млн. человек. Таким образом правительство России стремилось разбудить этот дремлющий край, с тем чтобы богатейшие ресурсы поставить на службу государству. А во время Первой мировой войны в сложнейших технических условиях была сооружена Мурманская железная дорога.

В первое десятилетие XX в. были также построены дороги по направлениям Оренбург-Ташкент, Саратов-Астрахань, Тюмень-Омск и Санкт-Петербург-Вологда. Они (железные

дороги) связали центральные районы России с ее окраинами. К 1914 г. завершилось строительство сети закавказских железных дорог. Вот так за 20-летие железнодорожная сеть России выросла с 58 млн. до 71 млн. верст.

Созданные русскими инженерами паровозы новейшей конструкции во многом превосходили иностранные образцы, что позволило им прослужить на отечественных железных дорогах более полувека.

Чтобы поднять доходность железных дорог и содействовать усилению передвижения населения и товаров по стране, была принята оригинальная и, на первый взгляд, убыточная мера: понижение тарифа цен пропорционально увеличению проезжаемого пассажиром расстояния. Мера эта значительно повысила доходность железных дорог, что повлияло (наряду с другими полезными мероприятиями) на государственный бюджет страны самым положительным образом: если в начале царствования Николая II бюджет составлял около миллиарда, то к 1917 г. он достиг 3 млрд. рублей.

К 1913 г. значительно пополнился речной и морской флот. Россия к этому времени заняла лидирующее положение по теплоходостроению и производству дизельных моторов. Так, на Коломенском заводе к 1913 г. было построено 70 теплоходов с дизельными моторами (все другие страны, вместе взятые, имели всего 10 теплоходов с аналогичными моторами). 31 тыс. разного типа судов, морской флот из пароходов и теплоходов большого водоизмещения и дальнего плавания – вот как выглядел речной и морской транспорт в начале второго десятилетия XX в. Для судоходства этого периода времени был характерен интенсивный процесс концентрации капитала: около половины русского торгового флота принадлежало шести крупным компаниям.

3. НЕБЫВАЛЫЙ ПОДЪЕМ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Для экономики России конца XIX-начала XX вв. характерно бурное развитие промышленности. Небывалый подъем во всех отраслях экономики страны приходился на 1893–1899 гг. Наибольший рост производства наблюдался в горнодобывающей и металлургической отраслях промышленности, в машиностроении: увеличилась более чем в 2,5 раза добыча нефти и каменного угля; производство металлов и машиностроение возросли в 3 раза. Россия выходит на 1-е место в мире по добыче нефти и на 2-е место по выплавке чугуна.

Ведущее место в промышленном развитии страны принадлежало регионам: Центрально-Промышленному, Северо-Западному, Южному (Донбасс и Криворожье), Прибалтике, Уралу. Самыми развитыми в промышленном отношении были города: Москва, Петербург, Рига, Лодзь и Одесса.

В Москве на предприятиях металлообрабатывающего производства был самый высокий уровень концентрации рабочих. На предприятиях трудилось более 40 % занятых в этой отрасли (на каждом – по 500 человек или более).

Самым крупным машиностроительным заводом Москвы было предприятие «Общество механического завода бр. Бромлей». В 1900 г. предприятие насчитывало 1 233 рабочих. На заводе бр. Бромлей выпускались паровые машины, газовые и керосиновые двигатели. На заводах акционерного общества «Густав Лист» трудилось по 1 100 рабочих (на каждом заводе). Здесь также выпускались паровые машины, а кроме них, еще и насосы, весы и многое другое (а это была основная продукция). Завод товарищества «Добровы и Наболец» производил мельничное оборудование, паровые машины, ткацкие станки.

Перечисленные предприятия являлись для своего времени передовыми, их продукция высоко ценилась и пользовалась большим спросом.

В первое десятилетие XX в. в Москве был построен электротехнический завод, получивший название «Динамо». В это же время небольшой завод братьев Гужон по выработке

гвоздей превращается в крупное предприятие – «Товарищество Московского металлического завода», на котором работают уже 2 183 человека. Позднее возникает автомобильный завод братьев Рябушинских.

Наиболее быстрыми темпами развивалась текстильная промышленность. Выделяются предприятия текстильной промышленности в Серпухове, с. Ваулино, в Никольском, Орехово-Зуеве. Отличный российский текстиль поставляется на внешний и внутренний рынки. Славятся своим качеством миткаль, ситец и бархат, изготавливавшиеся на знаменитых многотысячных фабриках известной на всю Россию династии Морозовых.

Колоссальные прибыли дает Никольская мануфактура Тимофея Саввича Морозова; огромные прибыли у Елисея и Викулы в Орехово-Зуеве, у Захара Саввича – на Богородско-Глуховских фабриках, и у Абрама – на Тверских (все – Саввичи). Морозовские текстильные мануфактуры давали многомиллионные прибыли, за это фабрикантов называли «ситцевыми королями». Живя с размахом, «ситцевые короли» много денег расходовали на культуру: поддерживали Московский художественный театр, построили в Москве Кустарный музей, финансировали газеты «Голос Москвы», «Русское слово», а также вообще субсидировали прессу.

Супруга Абрама Саввича – Варвара Хлудова – полагала, что если уж жертвовать своими капиталами, то исключительно для того, чтобы «учить или лечить народ». И твердо следовала этому своему правилу. На ее средства были построены раковая клиника на Девичьем поле, богадельня и школа в Твери, здание Тургеневской библиотеки-читальни у Мясницких ворот.

Чтобы быть на уровне века и поставлять особо качественную продукцию на внутренний и международный рынки, Морозовы приглашали для консультаций иностранных специалистов, а из Англии и Швеции выписывали для своих мануфактур новейшее ткацкое оборудование. Качественное устройство красилок и других вспомогательных производств сделало морозовские мануфактуры безотказно действующим механизмом и, превращая хлопок и шелк-сырец в ткани на любой вкус и достаток, позволяло получать огромные прибыли.

Славились хлопчатобумажное производство Трехгорной мануфактуры Прохоровых. Это предприятие вышло на 1-е место (1909 г.) по энерговооруженности рабочего (0,8 л. с.). Техническое совершенство предприятия позволяло существенно расширить производство. Так, например, с 1900 по 1908 гг. на Трехгорной мануфактуре при увеличении числа рабочих на 20 % объем производства возрос в 2 с лишним раза. Подобные процессы наблюдались и в других отраслях промышленности.

Следует отметить, что сверхблагополучными и сверхприбыльными годами российской текстильной промышленности были все же середина и конец 90-х гг. XIX в. Спрос на русский текстиль постоянно возрастал, цены на хлопок находились на низком уровне и не испытывали серьезных колебаний, и потому прядильное, ткацкое и набивное производство давало значительные прибыли. В конце года подводились итоги с великолепными балансами.

Огромные прибыли в текстильной промышленности привлекали внимание иностранцев. В России создаются совместные с иностранцами акционерные предприятия. Так, весной 1900 г. в швейцарском городе Санкт-Галлен было основано текстильное общество, которое получило название «Акционерного общества Московской текстильной мануфактуры». Инициаторами создания этого акционерного общества стали знаменитые в то время швейцарские промышленники К. Енни, Ф. Шиндлер-Енни и Ф. Ертли-Енни. Все трое были родом из Гларуса, поэтому позднее, когда руководство переехало в город Гларус, общество было переименовано в «Московскую текстильную мануфактуру в Гларусе».

В июне 1900 г. новое акционерное общество подписало контракт на приобретение фабрики в селе Ваулино, а также стало развертывать прядильное и ткацкое производства в Серпухове.

Фирма рассчитывала на крупномасштабную деятельность в России и потому повела активную работу по постройке новых производственных корпусов. В 1901 г. на ваулинской фабрике была установлена паровая машина мощностью в 1 000 лошадиных сил, начала работать первая прядильная машина. Был взят крупный банковский кредит (2 млн. швейцарских франков) для строительства общежития для рабочих. Строительство развернулось полным ходом. Но в декабре 1901 г. фирму постигло неожиданное бедствие: на фабрике в Ваулино произошел крупный пожар. В результате «сгорело все здание фабрики, были уничтожены все механизмы, пострадали паровая машина и котел» (из отчета фирмы). Расследование не установило причину пожара: что это, действия конкурентов или просто чья-то халатность, – выяснить так и не удалось. Страховое общество возместило незначительную (по сравнению с вложенными в предприятие средствами) сумму. Словом, реконструкция ваулинской фабрики, которую планировало провести руководство фирмы, так и не была проведена.

Дела фирмы на фабрике в Серпухове шли успешно. В 1902/1903 гг., несмотря на сложную промышленную конъюнктуру (был экономический кризис в 1900–1903 гг.), общая прибыль составила примерно 26 000 рублей, в 1903/1904 – 51 000, в 1904/1905 – 183 000, в 1905/1906 – 219 000, в 1906/1907 – 418 000 рублей.

Вскоре в делах швейцарской фирмы произошли существенные перемены. Руководство, обосновавшееся с 1905 г. в городе Гларусе, осуществило в 1907 г. слияние с другим швейцарским текстильным обществом, которое прежде действовало в России под названием «Анонимное общество в Цюрихе для русской хлопчатобумажной промышленности». Общество это имело фабрику в Рязанской губернии – в Зарайске. Слияние двух текстильных акционерных обществ свелось к тому, что «Московская текстильная мануфактура в Гларусе» поглотила почти весь акционерный капитал «Акционерного общества в Цюрихе». В то же время, несмотря на общее руководство, предприятия – в Серпухове и в Зарайске – продолжали управляться как самостоятельные производственные единицы. Акционерный капитал объединенного общества был достаточно высок: он составил в 1907 г. 9 млн. франков, в 1909 г. – 10 млн.

В 1905 г. (еще до слияния фирм) в Серпухове удалось закончить строительство новой четырехэтажной фабрики с машинным отделением и котельной, рабочим магазином. Годом позднее была закончена постройка нового пятиэтажного общежития для рабочих; построили также и больницу. На фабрике использовались английские машины и одновременно широко внедрялись швейцарские паровые машины фирмы Зульцера. В прядильном и ткацком производстве серпуховской фабрики использовался американский и среднеазиатский хлопок.

Слияние двух акционерных обществ в значительной степени укрепило рыночную позицию серпуховского и зарайского предприятий. Мощный рывок в их развитии приходится на 1907 г. Акционерный капитал объединенного акционерного общества в 1914 г. составил 12 млн. швейцарских франков. Большая (подавляющая!) часть этого капитала принадлежала швейцарским акционерам. К октябрю 1915 г. лишь 1 400 акций (примерно 5,8 % всего акционерного капитала) принадлежало российским держателям. В 1916 г. у швейцарских акционеров на руках находились акции, составляющие 93 % капитала, доля российских держателей составила 7 %.

Несмотря на большие прибыли швейцарских акционеров, русская экономика нисколько не проигрывала: предприятия исправно платили налоги в российскую казну, рублевые средства фирмы хранились в российских банках, фабрики давали рабочие места российским рабочим; в Серпухове и Зарайске лучше, чем где-либо, решались социальные вопросы, и поэтому стачечное движение здесь было минимальным; в период Первой мировой войны предприятия выполняли заказы на поставку продукции в действующую армию.

Швейцарские менеджеры и после революции 1917 г. планировали продолжить работу в России, но в 1919 г. предприятия были национализированы и общество свернуло свою деятельность в России.

Несмотря на экономический кризис в 1900–1903 гг. (о нем уже сказано выше), промышленное развитие сохраняло положительные тенденции. В этот период происходит усиленная концентрация производства, растет количество акционерных компаний. Наиболее яркий пример акционирования являла собой Москва. Так, например, завод Гоппера становится собственностью торгового дома «В. Я. Гоппер и К(о)». Крупный капиталист Гакенталь образует торговый дом «Ф. Гакенталь и К(о)». В «Товарищество бр. Самгиных» превратился старинный колокольный завод бр. Самгиных и К(о).

Часть московских предприятий в предвоенные годы вошли во всероссийские монополистические союзы, такие, к примеру, как синдикат по продаже металла «Продамет», синдикат «Медь» и другие.

Заметно расширилась в это время деятельность московских акционерных коммерческих банков – Купеческого, Международного торгового, Торгового и Учетного, чуть позднее к ним добавился Южнорусский банк.

Московские банки активно финансировали предприятия всего Центрального Промышленного района. Происходил процесс сращивания промышленного и банковского капиталов.

Возникали новые финансовые предприятия. Так, в 1902 г. был образован «Банкирский дом братьев Рябушинских», обороты которого в 1903 г. составили 34 млн рублей; а в 1908 г. оборот одного лишь Московского отделения составил более 742 млн рублей.

Постепенно Москва становится ведущим центром монополистического капитала России.

Для экономического развития России в конце XIX-начале XX вв. характерно особенно активное вмешательство государства в экономическую жизнь страны. Это, прежде всего, выражалось в системе государственных мер, направлявшихся на ускорение развития тяжелых отраслей промышленности и транспорта в государственно-капиталистическом предпринимательстве. Так, например, концессионная система действовала в тех случаях, когда частные лица выполняли государственные заказы – строили казенные предприятия или прокладывали железнодорожные магистрали. Кроме того, государство предоставляло льготные кредиты, делало казенные заказы на длительный срок с привлечением иностранного капитала, чтобы компенсировать недостаток денежных ресурсов в стране. Чтобы оградить русскую промышленность от конкуренции западноевропейской, проводилась покровительственная таможенная политика.

От вмешательства государства порой напрямую зависело существование предприятия. Пример этому – история закрытия металлургического завода в Рязанской губернии.

Истьянский металлургический завод – один из старейших в России.

Построенный московским купцом Панкратом Рюминым в 1716 г. (при деятельной поддержке А. Д. Меншикова – в постройке завода очень был заинтересован Петр I), Истьянский завод просуществовал почти три века. После Рюмина заводом владели: П. К. Хлебников, Н. П. Хлебников, Д. М. и А. П. Полторацкие (А. П. – сестра Хлебникова), С. Д. Полторацкий, братья Барковы и купец Кузнецов, Х. Х. Мейен, П. И. Губонин; позднее всех заводом распоряжалось «Акционерное общество русского рельсового производства». Директорами правления общества были братья С. П. и Н. П. Губонины. Здесь были основаны первые в России игольные заводы, построена фабрика парусных полотен. Позднее Истьянский чугуноплавильный и железнодорожный завод состоял из кричной и молотовой, проволочной и прокатной фабрик, вагранки, шурупного механического заведения, кузницы и подсобных строений. Производство базировалось на действии паровых машин.

Выпускал завод разных сортов проволоку, чугунное литье, стальные рессоры, паровые и механические машины, винты, болты.

К 1890-м гг. была произведена перестройка, завод переобразовали. Возвели новый промышленный комплекс, который включал рельсопрокатный, штамповочный и тормозной цеха, здание конторы, турбину, вагранку и водонапорную башню. На высоком уровне здесь выпол-

нили всю конструктивную часть, в особенности легкие металлические фермы, перекрывающие пролеты цехов. От станции Старожилово Рязанско-Козловской железной дороги до Истья была проложена 10-верстная узкоколейная ветка. Завод оснастили мощным оборудованием, в которое входили 1 пудлинговая и 5 сварочных печей Сименса, 2 паровых молота по 1,5 т каждый, 1 крупносортный и 1 мелкосортный станы с паровыми машинами в 100 л. с., паровые котлы системы Шухова (прослужили до 1980-х гг.) и др.

В это время железа из собственной руды производилось до 100 тыс. пудов в год и, кроме этого, до 300 тыс. пудов «из пакетов, собираемых из разной мелочи, и старых рельсов, приобретаемых покупкой». Третью металла использовалась на самом заводе для изготовления рельсовых скреплений, накладок, болтов, костылей, проволочных канатов, телеграфной проволоки, гвоздей. Для местных помещиков исполнялись заказы на сельскохозяйственные машины. Две трети металла отправлялось в Москву, где продавали по средней цене по 1,5 рубля за пуд.

Истинское железо продавалось и за границу, а иглы, выделяемые на игольной фабрике, считались лучшими по своему качеству. В одном из докладов правительственной комиссии говорилось: «Центральное в государстве производство имеет очевидное преимущество против сибирских заводов».

Несмотря на очевидные преимущества, которыми располагал завод после капитальной реконструкции, предприятие не встретило поддержки со стороны правительства. Перестройка и переоборудование завода потребовали огромных расходов. Для покрытия этих расходов общество было вынуждено «влезть» в долги. Правление акционерного общества надеялось расплатиться с долгами при получении крупного правительственного заказа на изготовление подвижного состава для строящихся линий Рязанско-Уральской железной дороги. Но расчет не оправдался. Заказ был передан Путиловскому заводу.

Последовал аукцион, т. е. продажа по низким ценам, – и завод перестал работать.

Чтобы лучше представить (понять!) социально-экономическое развитие России на рубеже веков, нужен хотя бы беглый взгляд на неравномерность капиталистического развития в различных отраслях экономики, а также в различных регионах страны.

Более быстрыми темпами, гораздо интенсивнее капитализм развивался в промышленности, медленнее – в сельском хозяйстве. В сельском хозяйстве, к примеру, вплоть до 20-х гг. продолжали сохраняться докапиталистические и даже патриархально-натуральные формы.

Об окончательной победе капитализма можно было говорить лишь применительно к крупной и средней промышленности.

Любопытно, что за 20 лет (последние 10 лет XIX в. и первые 10 лет XX в.) российская промышленность достигла больших успехов, вместе с тем в ее развитии наблюдались спады. Экономисты того времени считали, что корень зла таится в образовании монополий. Председатель Совета министров российского правительства П. А. Столыпин, не отрицая издержек монополизации, первопричину застойных явлений видел в узости внутреннего рынка, в ограниченном спросе «лапотной Руси» на промышленные изделия. С этим трудно не согласиться.

В самом деле, вот о чем сообщали статисты начала XX в.: «Население Вологодской губернии не может жить на счет продуктов земледелия и принуждено искать средств к существованию, помимо хлебопашества, еще и в тех неземледельческих промыслах, которые дают ему возможность прокормить как-нибудь себя и семью. Этими промыслами не могут быть работы на фабриках и заводах, потому что фабрично-заводская промышленность развита в губернии очень слабо... Кроме того, немногочисленное городское население, главным образом вследствие своей бедности, не предъявляет почти никакого спроса на промышленный труд крестьян, и добрая половина городов... играет роль, главным образом, административных центров».

Неразвитость в промышленном отношении отдельных регионов страны способствовала тому, что в ряде мест сохранялась (и даже получала дальнейшее развитие) большая сфера различных форм докапиталистической промышленности – домашних промыслов, ремесел, мел-

котоварного производства. Именно так обстояло дело в Вологодской губернии и других окраинных землях, где капиталистическое развитие происходило гораздо слабее.

4. ДОМАШНИЕ ПРОМЫСЛЫ, ремесла И МЕЛКОТОВАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Издавна в коренной России крестьян обучали ремеслам. Знание ремесел помогало прокормиться. Обрабатывали и перерабатывали древесину. Особенно развиты были ремесла плотничное и столярное, мебельное и санное, плетение из бересты, лыка, луба и ивового прута; много времени отводилось ткачеству миллионов рогож и кулей из мочала (огромное количество их было необходимо для перевозки хлеба и соли); строили барки и иные суда под хлеб и соль; в ходу были курение смолы и сидка дегтя, выжиг угля для домниц и кузниц, да и сбор живицы и производство канифоли и скипидара также считались занятиями полезными и важными.

Охотились на рябчиков и тетерок и возами зимой отправляли в столицы. Серьезным промыслом считалась добыча мехов – медвежьих, лисьих, волчьих, заячьих, беличьих и куньих. Вологодские мужики промышляли также сбором ягод и грибов (к царскому двору поставляли соленые рыжики, причем принимались только такие, которые проходили в горлышко бутылки). Ценилась обработка свиной щетины и волокнистых материалов: конопли, шерсти и льна. Пользовалась спросом продукция гончарного производства: выделка корчаг, горшков, чашек, плосшек, латок и промышленные емкости – кубы для смолокурения.

А еще вологодские мужики занимались извозом, сплавом плотов и барок; портняжничали, вязали плоты, рубили дрова, делали масло, пилили лес, возили почту, служили у купцов по торговым делам; занимались чеботарством, мочальным промыслом сит и решет; конопаткой судов, рыболовством, скупкой тряпья для бумажных фабрик также зарабатывали копейку для дома и семьи. Статистика тех лет утверждает, что дополнительно к земледелию более 80 % крестьян занимались какими-нибудь работами.

Зачастую крестьянские промыслы и ремесла достигали такого уровня развития, что начиналась узкая специализация. Так, в Вологодской губернии Маныловской волости Кадниковского уезда специализировались на изготовлении кубов для смолокурных печей из местных огнеупорных глин. Крестьяне Усть-Сысольского уезда арендовали у государства гору Брусяну для выделки точил из залежавшего там камня. Из села Кентуры Тотемского уезда расходились коновалы. Из волостей Васьяновской, Шапшенской и Кумзерской уходило на заработки до 3 500 плотников. Крестьяне Семеновской волости Вологодского уезда славились как штукатуры. Пользовались известностью как плотники-"галки" крестьяне Галичского уезда Костромской губернии. Лучшими башмачниками были кимряки Тверской губернии. Хорошо известные и в настоящее время села Палех, Мстера и Холуй Владимирской губернии по всей России продавали иконы собственной работы, от расхожих крестьянских «краснушек» (дешевых) до ценных любителями, особенно старообрядцами, «подстаринных» икон на разные «пошибы».

Чтобы заработать деньги, сметливый и й крестьянин мог исходить в поисках заработка всю Россию – и всегда находил, к чему приложить руки и чем завлечь тех, кто мог предложить работу.

Таким образом домашние промыслы, ремесла и мелководное производство, не являясь еще капиталистическими, тем не менее создавали широкую базу для развития капитализма. Проходившее в центре страны быстрее, а на окраинах государства – слабее, капиталистическое развитие постепенно двигалось вширь, т. е. распространялось на новые, еще не освоенные территории.

Хозяйству России была присуща многоукладность – другими словами, наряду с капиталистическим, действовало мелкотоварное и патриархально-натуральное производство. Дол-

гое существование крепостного права и незавершенность последующих реформ обусловили даже в конце XIX в. сохранение многочисленных пережитков старины в экономике, политике и социальных отношениях. Господство помещичьего землевладения и неполноправность крестьян серьезно тормозили капиталистическое развитие деревни.

5. РОССИЙСКИЙ ПРЕМЬЕР И ЕГО КУРС НА ОЗДОРОВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ

Историческую задачу преобразования крестьянской России на собственнический лад взялся выполнить первый сотрудник царя, председатель Совета министров Петр Аркадьевич Столыпин.

С приходом Столыпина к власти (1906 г.) правительством был широко поставлен переселенческий вопрос. Переселенческое движение за Урал должно было содействовать становлению крестьянина-собственника в Сибири. В 1906 г. на помощь крестьянам-переселенцам из государственной казны было выделено 5 млн. рублей. В 1907 г. переселенческий бюджет равнялся 11 млн. рублей. Позднее эта сумма была доведена до 30 млн. в год. Таким образом, на обустройство переселенцев в азиатской части России в начале XX в. (первые два десятилетия) было отпущено около 200 млн. рублей.

Столыпинская аграрная реформа была самым важным начинанием главы кабинета. Глава правительства мечтал научить крестьян правильному хозяйствованию.

И достичь этого он планировал путем соблюдения законности и последовательного осуществления реформ.

Столыпинская модель развития аграрного сектора экономики предусматривала из двух исторически сложившихся типов хозяйств (помещичье-прусского и фермерского, американского) выбрать последнее. Взаимоотношения между ними должны были строиться на основе здоровой конкуренции. Крестьяне восприняли закон как шаг к окончательному освобождению, когда 9 ноября 1906 г. Николай II подписал указ, разрешавший крестьянам выходить из общины и укреплять личные наделы. Им предлагалось покупать участки казенных и, с согласия самих владельцев, помещичьих земель. У помещиков также не было недовольства, а в лице покинувших общину домохозяев они обретали союзников. Столыпин смотрел далеко вперед, он понимал, что большинство землевладельцев-собственников, совмещавших предпринимательство с коренной службой, будет вытеснено из традиционной сферы хозяйства, но произойдет это бескровно.

6 марта 1907 г. Столыпин огласил в думе декларацию. «Отечество наше, – сказал премьер, – должно превратиться в правовое!»¹ На рассмотрение депутатов предлагались законопроекты о неприкосновенности личности, о восстановлении избираемых населением мировых судей и важные вопросы рабочего законодательства.

Своими действиями Столыпин последовательно осуществлял второе раскрепощение крестьянства. Опорой его курса должны были стать средние слои, прежде всего крестьяне-собственники. Торжество справедливости глава кабинета видел не в уравнительной справедливости, а в том, чтобы обладателями земельных богатств стали волевые, рачительные хозяева-труженики, прежде всего исконные земледельцы-крестьяне. Столыпин считал, что крестьянская община должна исчезнуть. Исчезновение общины, по мысли главы правительства, лишало смысла лозунг социализации земли, выдвигаемый эсерами.

Свою точку зрения П. А. Столыпин очень хорошо объяснил в письме к Л. Н. Толстому: «Лев Николаевич! Вы считаете злом то, что я считаю для России благом. Мне кажется, что

---

¹ Александр Дмитриев. Трагедия «Российского Бисмарка», или Предводитель крестьянства // Уральский следопыт. 1991 г. № 5. С. 19.

отсутствие собственности на землю у крестьян создает все наше неустройство... Смешно говорить этим людям о свободе или свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той, по крайней мере наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным. А это достижимо только при свободном приложении труда к земле, т. е. при наличии права собственности на землю».²

Летом 1909 г. Столыпин объехал хлебопроизводящие районы Поволжья и Сибири. Распашка восточно-степной полосы предусматривала не только удовлетворение внутренних потребностей страны, но и продажу зерна за рубеж. Перед Россией открывалась возможность превращения в крупнейшего поставщика продовольствия. Торговля знаменитыми пшеницами, вкуснейшим маслом с лихвой окупала расходы по переселению крестьян в Сибирь и на Дальний Восток, а также и оказание им на обживаемых местах денежной, агрономической и зоотехнической помощи. Столыпин мыслил глобально: «Богатая всем, кроме людей, Сибирь только в приливе сюда русской рабочей силы может найти полноту хозяйственной и культурной жизни». На валюту от продажи хлеба, масла, пушнины, за аренду эксплуатировавшихся иностранными компаниями рудных и нефтяных месторождений покупались сельскохозяйственные машины новейших конструкций, племенной скот, финансировалось строительство дорог, школ, больниц.

С притоком в Сибирь переселенцев жизнь там забила ключом, и Столыпин вернулся из поездки окрыленным: «Еще десять лет мира, дружной работы, и Россия будет неузнаваемой!»³

Четырехлетнее пребывание Столыпина на капитанском мостике приносило свои плоды. Постепенно стабилизировалась денежная система, увеличивались инвестиционные вложения отечественных и иностранных монополий в ведущие отрасли российской экономики.

Столыпинская политика привела к оздоровлению финансов, росту покупательной способности крестьян и рабочих и, следовательно, к увеличению спроса на промышленные товары; в промышленных и финансовых кругах был растоплен лед недоверия к премьеру. Столыпин умерил аппетиты иностранных монополий в европейской части России, но при этом предоставил им режим наибольшего благоприятствования в горнодобывающих районах Урала, Сибири и Казахстана, которые были мало освоены. Это отвечало интересам государства и национальной буржуазии, на монополистической стадии капитализма тесно взаимодействовавших с крупнейшими отечественными банками.

Беседуя с представителями центральных и региональных советов съездов промышленников, глава правительства признавал, что следует упростить процедуру создания акционерных обществ, добиться недопущения полицейского вмешательства (горной и фабрично-заводской полиции) в разрешение споров между предпринимателями и рабочими. Одновременно Столыпин требовал строгого соблюдения законодательства о труде, приведения заработной платы в соответствие с индексом цен на продукты и предметы широкого пользования.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реформа, проводимая Столыпиным, ускорила кооперирование российского крестьянства (не имела ничего общего со сталинской принудительной коллективизацией). А следствием кооперирования крестьянской деревни, особенно на Урале и в Сибири, стал рост урожайности, продуктивности скота, применение сельхозмашин. Производство ржи и пшеницы превысило объем продукции, производимой в США, Канаде и Аргентине вместе взятых. Стараниями премьера и частных собственников Россия превращалась в крупнейшего экспортера зерна, масла, мяса, яиц, сахара. Питание разных слоев населения России, разумеется, различалось по кало-

---

² Там же, с. 19.

³ Там же, с. 20.

рийности, но потребление масла горожанами было намного выше современного, и это был не какой-нибудь бутербродный маргарин – это было отличное натуральное масло.

Успехи России в экономическом развитии пришлось не по нутру зарубежным политикам. Вот как прокомментировал итоги столыпинского курса германский кайзер Вильгельм: «С Россией надо кончать скорее, потому что через десять лет она будет непобедима, как основанная на правильной форме хозяйства...»⁴

А 1 сентября 1911 г. в Киеве в оперном театре произошла трагедия: двумя выстрелами был смертельно ранен председатель Совета министров Российской империи, статс-секретарь Петр Аркадьевич Столыпин.

Не все из задуманного Столыпиным удалось, но сделано было многое. И следствием всех этих мер премьера стала развитая экономика России. К 1913 г. страна превратилась в одного из главных поставщиков хлеба на мировой рынок. Второе место в российском экспорте занимала продукция животноводства. Накопившийся в государстве золотой запас в 1914 г. был самым крупным в мире. Удельный вес России в общемировом производстве продукции был еще невелик, но он неуклонно повышался: если в начале XX в. он составлял около 4 %, то в 1914 г. составил уже 7 %.

Россия поверила в себя и устойчиво держалась на плаву. Она двигалась к цивилизации и прогрессу.

Последовавшие мировая, а затем и гражданская война нанесли тяжелый урон российской экономике – войны и революции всегда были разорительны для государств.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. В. А. Федоров. История России 1861–1917 гг. М.: Высшая школа, 1998.
2. «Уральский следопыт» N 5/1991 – Ал-др Дмитриев. Трагедия «Российского Бисмарка», или Предводитель крестьянства".
3. «Огонек» N 7/1991 – Н. Семенова. Морозовы.
4. Москва, т. 1. С древнейших времен до 1917 года. М.: Мысль, 1985.
5. «Былое» N 10/1997 – 1) Е. Шухова. Свидетель трех столетий. 2) Л. Беловинский. И швец, и жнец. 3) И. Дьяконова. Русский след инофирмы (по швейцарским архивам).
6. «Техника молодежи» N 2/1991. Александр Бородулин. Четвертое кольцо Москвы.

ТЕМА 3. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА НИКОЛАЯ II В 1894–1904 гг

РЕФЕРАТ: «НИКОЛАЙ II. КРУШЕНИЕ НАДЕЖД»

ПЛАН

1. Социально-экономическое развитие России в конце XIX-начале XX вв.
2. Николай Александрович Романов – наследник престола
3. Кризис преемственности политического курса в царствование Николая II
4. Отречение. «Кругом измена, и трусость, и обман»

---

⁴ Цитируется по: Александр Дмитриев. Трагедия «Российского Бисмарка», или Предводитель крестьянства. // Уральский следопыт. 1991 г. N 5. С. 21.

По воле истории, Николай II (1894–1917 гг.) вступил на престол в период глубочайших, коренных перемен в развитии страны. Некогда отсталая страна, где рабство крестьян в форме крепостного права было отменено всего за три десятка лет до воцарения последнего российского самодержца, Россия стала неожиданно для всего мира подниматься во весь свой гигантский рост. На огромных российских просторах от Польши на западе до Камчатки на востоке росли города, превращавшиеся в передовые промышленные центры, строились заводы и фабрики, прокладывались железные дороги, появлялись новые, не виданные для того времени виды транспорта. Революционные открытия происходили в науке и технике.

По темпам роста промышленности Россия на рубеже веков вышла на первое место в мире. Изменялся облик городов, появлялись великолепные архитектурные ансамбли. Строились университеты, открывались общедоступные музеи. Мировых высот достигли литература, искусство.

В то же самое время Россия оставалась аграрной страной. В деревне, где все еще проживало основное население, страна как бы застыла на уровне Средневековья. Нищее, безграмотное, а то и просто полудикое крестьянство оставалось на обочине исторического развития. Сельская Россия была как бы огромной дворянской вотчиной, которая охранялась и защищалась всей мощью государственной машины. Российское дворянство, владевшее огромными землями, и не помышляло о переменах. Оно было уверено в незыблемости своих привилегий и прав. В этом смысле российское дворянство, блестяще образованное и воспитанное на европейских канонах, было таким же заскорузлым, как крестьянство в своей нищете и невежестве.

Именно на этот слой российского общества и опиралась монархия. В первую очередь это власть помещиков, и самым богатым помещиком был сам царь. Недаром Николай II так ответил на вопрос переписного листа о роде своих занятий: «Хозяин земли Русской».

Перемены в экономическом развитии страны должны быть осознаны властью. Жизнь настоятельно требовала новых форм правления, использования опыта передовых стран. Как никогда раньше, России требовались умные, энергичные политики, понимавшие необходимость перемен.

Между тем к началу царствования Николая II можно было определенно говорить о кризисе власти в России. Неограниченная монархия как форма власти изжила себя. Самодержавие, существовавшее в России на протяжении многих веков, на определенном этапе развития страны сыграло положительную роль, способствуя централизации государства и укреплению его единства.

Для XX в. эта форма власти стала анахронизмом. В большинстве развитых стран монархия либо совсем была отброшена ходом исторического развития и заменена республиканской формой правления, либо значительно ограничивалась выборными органами власти и конституцией. Общая тенденция изменений сводилась к демократизации общественных институтов.

На рубеже XX в. Россия была похожа на огромный корабль, который метался по воле волн, ветра и течений, потому что капитан умел управлять только парусным судном. Между тем на горизонте собирались черные тучи; приближалась буря, и о грядущей революции, уже не таясь, говорили все – кто с ужасом, а кто со злорадством.

И вот в 1894 г. на капитанский мостик этого беспокойного корабля поднялся Николай Александрович Романов, последний русский самодержец.

По складу своего характера Николай II не искал и не жаждал власти. Он получил ее по праву первородства, т. е. как старший сын императора Александра III. Существует предание, что когда Николай узнал о смертельной болезни отца, им овладел страх. Николай умолял позволить ему отречься от престолонаследия. Но Александр III был непреклонен: закон должен неукоснительно соблюдаться. Николаю пришлось подчиниться. В ответ на его покорность

отец разрешил наследнику взять в жены горячо любимую гессенскую принцессу Аликс, внучку английской королевы Виктории⁵.

История отношений Николая II и Аликс – это романтическая поэма любви, которая рисует русского императора как преданного, заботливого человека, достойного самых высоких слов. Он встретил свою избранницу, когда ей было всего 12 лет. 10 лет он ждал своего счастья, решительно отказавшись от предложенной отцом другой партии и проявив в этом железную выдержку, несмотря на свой, в общем-то, уступчивый характер.

После долгожданной помолвки с Аликс в письме к матери он пишет: «...не могу выразить, как я счастлив. Весь мир сразу изменился для меня: природа, люди, – все мне кажутся добрыми, милыми и счастливыми. Я не могу даже писать, до того дрожат мои руки...»⁶

К чести Николая II надо отметить, что любовь к Аликс он сохранил до конца своих дней.

Николай Александрович был от природы замкнутым и скрытным человеком. Многие не знали его таким, каким он раскрывался только на страницах своих дневников. Он вел их всю свою жизнь, 36 лет, непрерывно, с 14 до 50 лет, до самого последнего дня, когда жизнь его и его семьи трагически оборвалась в Екатеринбурге, в подвале Ипатьевского дома.

Читая записи дневников, мы видим сначала обычного шаловливого, проказливого, но чувствительного и обожающего своих родителей мальчика, потом – влюбленного и мечтательного юношу.

Еще будучи цесаревичем, Николай II был убежден, что судьба благоволит к нему. 17 октября 1888 г. он первый раз чудом избежал смерти. Недалеко от Харькова произошло странное крушение царского поезда. Погибло 20 человек, ранено 16. Пострадала сестра Николая, но все члены царской семьи остались живы. «Все мы могли быть убиты, но по воле Божьей этого не случилось»⁷. Религиозность, искренняя вера в промысел Божий стала чертой характера будущего императора.

Впоследствии, уже в бытность Государем, присущее ему с раннего детства глубокое религиозное чувство стало еще интенсивнее. Уже во время Первой мировой войны, когда русскую армию преследовали тяжелые неудачи, министр иностранных дел С. Д. Сазонов был поражен, увидев, каким горем это было для императора. «Глядя на него у церковных служб, во время которых он никогда не поворачивал головы, я не мог отделаться от мысли, что так молятся люди, изверившиеся в помощи людской и мало надеющиеся на собственные силы, а ждущие указаний и помощи только свыше. В его душе к горячей и искренней вере примешивалось, странным образом, какое-то чувство безнадежности, в чем он сам сознавался, называя себя фаталистом»⁸.

Второй раз в жизни Николай II избежал смерти в 1891 г., еще до коронации. Находясь в Японии, он получил сильный удар саблей по правой стороне головы от японского полицейского. Свита не успела среагировать. Николай окончательно ощутил себя под защитой Бога – он не даст ему погибнуть. Наследник записывает в дневнике: «1 мая. Токио. Я нисколько не сержусь на добрых японцев за отвратительный поступок одного фанатика... Мне пришлось всех успокаивать и подольше оставаться на ногах...»⁹

Таковы были задатки природы и плоды воспитания. К тому же Николай физически хорошо был развит, он обожал физические упражнения.

---

⁵ Э. Радзинский. Николай II: жизнь и смерть. М., 1997. С. 58.

⁶ Там же, с. 52.

⁷ Там же, с. 52.

⁸ П. Жильяр. Император Николай II и его семья. Вена, 1921. С. 5.

⁹ Э. Радзинский. Николай II: жизнь и смерть. С. 39.

Однако все чаще он начинает примерять на себя образ будущего самодержца, «хозяина земли Русской». Наследник престола проходит службу в армии, это было традицией. Ибо «ни законами, ни цивилизацией, но армией сильна Россия», такова была расхожая формула власти.

Его идеалом остается отец, император Александр III, хотя не для всех политика его отца являлась образцом правления. «Постыдная деятельность виселиц, розог, гонений», – так характеризовал методы Александра III Л. Н. Толстой¹⁰. Но воспитатели будущего царя внушают будущему наследнику, что железная формула императорской власти «Самодержавие, православие, народность» не подлежит никаким изменениям.

Наступает май 1884 г., время совершеннолетия наследника и принятия им присяги на верность престолу. Николай II впервые осмысливает жестокую фразу: не быть на престоле человеком. Идеолог самодержавия М. Н. Катков поучал будущего императора: «Все побуждения и требования человеческой природы должны умолкнуть, подчинившись государственным обязанностям. Величие царственного призвания несовместимо с человеческими чувствами»¹¹.

Не отсюда ли берет начало процесс превращения доброго, впечатлительного юноши-цесаревича в хладнокровного, замкнутого, скрытного Государя Николая II? Будут и другие, не менее обидные для императора слова, сказанные в его адрес в будущем: упрямый, молчаливый, невозмутимый и даже слабовольный, беспринципный, подверженный чужому влиянию и т. д.

20 октября 1894 г. умирает Александр III. Благоприятные знаки судьбы не оправдали ожиданий молодого царя. В хмурый осенний день вслед за гробом отца в Петербург прибывает новый император. Свадьба с любимой Аликс стала как бы продолжением похорон.

А затем фортуна и вовсе отворачивается от нового русского самодержца.

18 мая 1894 г. – день коронации – стал одним из самых страшных дней царствования Николая II. В честь коронации должны были состояться народные торжества на Ходынском поле. Ожидалась бесплатная раздача сладостей и памятных кружек. На гулянье собралось не менее 500 тыс. человек. Но поле было изрыто рвами, люди падали, началась страшная давка, в которой было затоптано 1 300 человек. Эту цифру царь записал в своем дневнике. Осмотрев место трагедии, новоиспеченный царь принял несколько депутатий, сказал речь, затем пообедал у «мама» и поехал с молодой императрицей на бал к Монтебелло. Так началось царствование¹².

К ужасу друзей и злорадству недругов, в этот вечер новоиспеченный император и императрица Александра Федоровна танцевали на балу, а с Ходынского поля всю ночь и утро вывозили трупы раздавленных людей. Кто мог тогда знать, что через 22 года, тоже на рассвете и тоже на телегах, повезут их трупы и трупы их расстрелянных детей после страшной ночи в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге...

Однако «черные дни» только еще начинались. В стране назревала революция. В правительстве возник план: чтобы избежать революции, России нужна маленькая победоносная война. План закончился полным крахом: война, затеянная, чтобы предотвратить революцию, разбудила ее.

9 января 1905 г. на Дворцовой площади были расстреляны шедшие к царю за правдой колонны рабочих и горожан, среди которых было много детей. Было убито более тысячи, ранено две тысячи человек. На снегу трупы и кровь. Царю доложили, что войска были вынуждены стрелять, чтобы спасти его от смертельной опасности. Погибли якобы 200 человек. «Господи, как больно и тяжело!» – запишет он в своем дневнике¹³.

---

¹⁰ Российские самодержцы. М., 1993. С. 285.

¹¹ Там же, с. 95.

¹² Российские самодержцы. М., 1993. с. 293.

¹³ Э. Радзинский. Николай II: жизнь и смерть. с. 69.

Теперь у него новое имя – Николай Кровавый. Революционеры вынесли приговор: царь – убийца и потому должен умереть.

Под влиянием Кровавого воскресенья в стране началась революция 1905-07 гг. К осени 1905 г. власть царя держалась на волоске. Великая страна вздыбилась под единым лозунгом «Долой самодержавие!» Наконец, император решается на немислимые для него еще вчера отступления от исконных основ и принципов монархического правления, и 17 октября 1905 г. издает Манифест, в котором обещает даровать народу «незыблемые основы гражданской свободы» – неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов; привлечь к выборам в Государственную думу все слои населения и признать ее законодательным органом.

Это было тяжелейшим для него решением, которое противоречило всем его прежним представлениям. Самодержавие и Россия, по его мнению, были вещи неразрывные. Пойдя на ограничение своей власти, он понимал, что только так можно добиться мира и согласия в стране. «Единственное утешение – это надежда, что такова воля Божья, что это тяжелое решение выведет дорогую Россию из такого невыносимого, хаотического состояния, в каком она находится почти год», – писал царь¹⁴.

Но и это испытание не было последним. Прошло менее 12 лет, и в сходной критической ситуации 1917 г., в условиях другой, еще более кровопролитной войны и новой, Февральской революции, те же его представления о долге перед страной заставят его отречься от престола.

Итак, тяжелым бременем оказалась власть для Николая Александровича Романова. Он пережил и глубокую семейную трагедию. То, что многие принимали за замкнутость и равнодушие, являлось на самом деле глубоко скрытым внутренним страданием, причиной которого были не только государственные дела, но и неизлечимая болезнь нежно любимого сына и наследника Алексея. Только в семье, рядом с любимой женой, в окружении четырех дочерей и обожаемого сына он был по-настоящему счастлив. Так, все вместе, и дошли они до своего мучительного и страшного смертного часа.

Не все понимали его даже из ближайшего окружения. Но его высоко ценил глава кабинета министров С. Ю. Витте, отмечая, что Николай II – человек очень добрый и чрезвычайно воспитанный. «Я могу сказать, что в своей жизни не встречал человека более воспитанного»¹⁵. Не потому ли и умирающий от смертельного ранения великий реформатор П. А. Столыпин в последнюю секунду жизни слабеющей рукой осенил царя крестным знаменем?

Пожалуй, самое точное суждение о Николае II принадлежит У. Черчиллю, заметившему: «Он не был ни великим полководцем, ни великим монархом. Он был только верным, простым человеком средних способностей, доброжелательного характера, опиравшимся в своей жизни на веру и Бога»¹⁶.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Жильяр П. Император Николай II и его семья. Вена: Русь, 1921.
2. Российские самодержцы. 1801–1917. М.: Международные отношения. 1993.
3. Радзинский Э. Николай II: жизнь и смерть. Издательство «Вагриус», 1997.
4. Скотт Стаффан. Романовы. Перевод со шведского. Екатеринбург, 1993.

---

¹⁴ Российские самодержцы. С. 326.

¹⁵ Российские самодержцы. С. 323.

¹⁶ Там же, с. 328.

ТЕМА 4. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В 1894–1904 гг

РЕФЕРАТ: «РОССИЯ И АНТАНТА»

ПЛАН

1. Обострение противоречий между развитыми странами за колониальный раздел мира в конце XIX-начале XX вв.
2. Создание двух враждебных военно-политических блоков в Европе и их роль в развязывании Первой мировой войны
3. Основные этапы формирования Антанты. Роль России в ее создании
4. Антанта в первой мировой войне. Крах «сердечного согласия»

Петербург, 23 июля 1914 г. У знаменитого старинного здания, построенного еще в XVIII в. итальянским архитектором Кваренги, где находилось теперь посольство Великобритании, собралась огромная толпа. Но это была особая толпа: хорошо одетые господа в котелках, элегантные дамы в шляпах. К дому подъехал автомобиль, из которого вышел человек, знакомый по фотографиям во всех столицах мира. Это был посол Его Величества короля Великобритании сэра Бьюкенен.

Толпа разразилась криками «ура» и принялась размахивать русскими, английскими и французскими флагами.

Так буржуазный Петербург приветствовал вступление Англии в Первую мировую войну на стороне России и Франции, т. е. на стороне Антанты.

Антанта – это название военно-политического блока Англии, Франции и России. В переводе оно означает не что иное, как «сердечное согласие», и происходит от французских слов «Entente cordiale». Этот термин, известный сейчас каждому образованному человеку, был когда-то не более чем первой строкой на листе бумаги – «по сердечному согласию» Англия и Франция заключили договор о разделе колониальных владений в северной Африке.

Была ли Антанта «сердечным согласием» ее членов на самом деле, мы рассмотрим дальше. Но сначала попытаемся понять, как и почему Антанта возникла, какие этапы привели к ее окончательному оформлению.

На стыке веков международные противоречия за раздел и передел мира, за захват новых колоний, сфер влияния, рынков сбыта и источников сырья достигли крайней степени обострения. Наиболее развитые страны – Германия, Англия, Франция, Россия, Италия, США – активно искали союзников на случай войны. Это привело, в конце концов, к образованию противостоящих друг другу военно-политических группировок.

Первой на этот путь вступила Германия. После завершения объединения страны и образования Германской империи ее промышленное развитие и милитаризация пошли вперед гигантскими темпами. Однако к этому времени (конец XIX в.) мир был уже разделен, и захватить новые колонии можно было только путем войны.

В 1879 г. Германия подписала договор о союзе с Австро-Венгрией. Договор носил ярко выраженный антирусский характер. В статье первой говорилось, что если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны, остальные обязаны выступить на помощь друг другу всеми своими вооруженными силами и не заключать мира без обоюдного согласия.

В то же время статья вторая предусматривала, что если на одну из договаривающихся сторон нападет не Россия, а какая-либо другая держава, стороны обязаны лишь соблюдать

нейтралитет, и только при вмешательстве в конфликт России вступит в силу пункт первый договора. Договор, заключенный сначала сроком на 5 лет, затем неоднократно продлевался. Австро-германский договор явился первым шагом к созданию военного блока во главе с Германией. После присоединения к договору Италии в 1882 г. образовался Тройственный союз.

Так началось разделение Европы на два враждующих лагеря, что было одной из основных причин будущей мировой войны.

Необходимо подчеркнуть, что своим союзником в будущей войне с Россией Германия не случайно считала именно Австро-Венгрию. Их военно-политические планы совпадали из-за притязаний на Балканы. Здесь в тугой узел сплелись интересы России, Турции, Австро-Венгрии. В России всегда с сочувствием следили за борьбой славянских народов Балканского полуострова против ига Османской империи. На стороне славян сражались русские добровольцы.

Считалось, что поддержав борьбу славян за независимость (например, Болгарии), Россия сможет утвердиться в проливах Босфор и Дарданеллы, обрести свой выход в Средиземное море, без которого она «похожа на птицу с одним крылом».

В боях за освобождение Болгарии от турецкого ига в 1877–1878 гг. будущий император Александр III впервые увидел войну «лицом к лицу», постигнув ее как страшный кошмар. Он уже никогда не смог забыть пережитое здесь, забыть

Болезнь, усталость, боль и голод,
Свист пуль, тоскливый вой ядра,
Зальдевших ложементов холод,
Негреющий огонь костра.

В Австро-Венгрии, граничившей с Балканскими владениями Турции, с тревогой наблюдали за национально-освободительной борьбой славянских народов, поскольку это могло быть примером для насильно присоединенных к империи стран. Недаром Австро-Венгрию называли тогда «лоскутной империей».

После образования Тройственного союза стали оформлять свои военные обязательства и страны противники Германии.

В конце 80 гг. XIX в. произошло резкое обострение франко-германских отношений, что заставило Францию искать пути сближения с Россией. Со своей стороны правительство России также было заинтересованно в сближении с Францией, с Европой. Когда в 1887 г. возникла угроза германской агрессии против Франции, она обратилась к России с призывом. Канцлер Германии Бисмарк потребовал от России гарантий нейтралитета в случае войны за спорные пограничные территории между Германией и Францией. Россия ответила отказом, и Бисмарк был вынужден отступить.

Дальнейшее развитие событий еще больше сблизило Францию с Россией, поскольку Германия все активнее пыталась влиять на европейские конфликты. Напряжение отношений между странами все больше нарастало. Например, русско-германские противоречия привели к так называемой «таможенной войне». В то же время Тройственный союз снова продлил свои договоренности против России. Возникли даже слухи о присоединении к нему Англии из-за споров с Россией по поводу территорий на Среднем Востоке.

Так возникла почва для заключения русско-французского соглашения. Стороны условились консультироваться в случае опасности и принимать совместные меры при угрозе нападения со стороны Германии и ее союзников.

В дальнейшем это соглашение было дополнено строго определенными военными обстоятельствами. По военной конвенции, стороны обязались действовать так, чтобы Германии в случае войны пришлось сражаться одновременно и на востоке, и на западе.

Окончательным шагом оформления франко-русского союза была ратификация военной конвенции в 1893 г.

Политическое сближение России и Франции было подкреплено и более тесными финансовыми отношениями.

Следующим шагом в оформлении Антанты стало подписание англо-французского соглашения 1904 г. Этому способствовало нарастание англо-германских противоречий по колониальным спорам. Огромная колониальная империя, созданная Англией за многие века господства на морях, не давала покоя Германии. И хотя Англия и Франция сами враждовали друг с другом по поводу господства в северной Африке, их общие противоречия с Германией оказались сильнее.

Подписав соглашение 1904 г., стороны взаимно признали права Англии в Египте и Франции в Марокко, причем не исключили и аннексии (т. е. полного захвата) этих территорий.

Таким образом, устранив взаимные споры, Англия и Франция смогли объединить свои силы против общего противника – Германии.

И наконец, англо-русское соглашение 1907 г. было завершающим шагом в объединении стран против Тройственного союза и в создании Антанты (Англия, Франция, Россия).

Царское правительство, ослабленное Русско-японской войной и революцией 1905–1907 гг., встревоженное ростом германского милитаризма, искало поддержки со стороны Англии. Однако переговоры были сложными и не раз находились на грани срыва.

Английская сторона старалась не уступать России в господстве над странами Среднего Востока. Переговоры касались Тибета, Афганистана и Ирана, где англо-русские противоречия были особенно сильными.

Англо-русское соглашение 1907 г. оказалось важнейшим этапом в окончательном оформлении Антанты, получившей название Тройственного согласия – в противовес Тройственному союзу (Германия, Австро-Венгрия, Италия).

В годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) Антанта сгруппировала против Германии и ее союзников еще большее число государств, включая США (всего 25 государств воевало на стороне Антанты). В 1915 г. на ее сторону перешла и бывшая союзница Германии – Италия.

Посмотрим теперь, что же на самом деле скрывалось за амбициозным названием Антанты как «сердечного согласия», и было ли оно таковым в действительности?

В России к сложившемуся союзу государств было двойственное отношение. Русская буржуазная оппозиция постоянно тяготела к так называемым «передовым демократиям Запада».

Русские либерально-буржуазные партии с их стремлением к умеренным реформам и конституционным методам правления не могли не чувствовать симпатии к союзникам России по Антанте, Англии и Франции, в которых буржуазия добилась уже не только экономической, но и политической власти.

Однако были в России и так называемые «германофилы». Это влиятельные консервативные круги, ориентировавшиеся на Германию. Такие настроения были особенно сильны в дворцовой камарилье (князь Мещерский, граф Фредерикс), в Государственном совете (граф С. Ю. Витте, П. Н. Дурново), в Государственной думе (Марков). Как ни странно, подозрения этих влиятельных политиков относительно «коварного Альбиона» (т. е. Англии) ярко выразил всесильный царский временщик Григорий Распутин, который, по словам императрицы, «всегда боялся Англии, такой, какой она будет после войны, когда начнутся мирные переговоры».

Однако все эти сомнения относительно неискренности союзников со стороны не очень искусственных в дипломатических хитростях русских политиков меркнут перед откровенным бесстыдством «утонченных» и благообразных западных господ, представлявших в России ее «друзей» по Антанте.

Накануне войны стали чуть ли не расхожим мнением восторги западных союзников России, которые на все лады восхваляли несокрушимую военную мощь России. Здравый рассудок

государственных мужей Англии и Франции был помрачен невесть откуда взявшейся легендой о русском паровом катке" (russian steam – roller). Суть ее сводилась к тому, что неисчерпаемые людские резервы России, огромная русская армия одной своей физической массой способна, подобно прессу или паровому катку, раздавить передовую в техническом отношении немецкую военную машину.

Дошло даже до того, что западные респектабельные господа не стеснялись рассуждать о том, что жизнь одного из многих и многих тысяч русских солдат не так ценна, как жизнь образованного англичанина или француза.

Не кто иной, а сам французский посол в Петрограде Морис Палеолог («напыщенный дурак» – назвал его предшественник) рассуждал: «По культурности и развитию французы и русские стоят не на одном уровне. Россия – одна из самых отсталых стран на свете. Сравните с этой невежественной и бессознательной массой нашу армию: все наши солдаты с образованием: в первых рядах бьются молодые силы, проявившие себя в искусстве, в науке, люди талантливые и утонченные; это сливки и цвет человечества... С этой точки зрения, наши потери будут чувствительнее русских потерь».

Таким образом, несмотря на претенциозное название, Антанта была чем угодно, но только не сердечным согласием союзников, и это противоречие не замедлило проявиться, как только грянула война.

К лету 1914 г. Европа напоминала пороховой погреб, который мог взорваться от любой искры. Так и произошло. Всего за несколько дней конца июля и начала августа все основные страны были втянуты в войну.

Германия объявила войну России, занявшей сочувственную позицию в отношении Сербии. В Первой мировой войне приняли участие 38 государств с общим населением 1,5 млрд. (87 % населения земного шара).

Петроградское небо мутилось дождем,
На войну уходил эшелон.
Без конца – взвод за взводом и штык за штыком
Наполнял за вагоном вагон.
В этом поезде тысячью жизней цвели
Боль разлуки, тревоги любви,
Сила, юность, надежда... В закатной дали
Были дымные тучи в крови.

Александр Блок

С первых же дней войны союзники попытались претворить в жизнь миф «о русском паровом катке». На следующий же день после вступления в войну Франции ее посол «слезно умолял Николая II предписать своим войскам перейти в немедленное наступление, иначе французская армия рискует быть раздавленной». Затем эти просьбы сменились мольбами: немцы вплотную подошли к Парижу.

У России был разработан другой военный план, она готовилась к наступлению против Австрии – союзницы Германии. Однако царское правительство пересматривает его и подает приказ о вторжении русской армии в Восточную Пруссию.

К этому русская армия не была подготовлена, это был, по оценке военных специалистов, безрассудный шаг, но так Россия доказала верность союзническим обязательствам.

Наступление русских войск закончилось разгромом, два русских корпуса были окружены, генерал Самсонов покончил самоубийством.

Поражение явилось результатом срочной переброски немецких войск с Западного фронта для борьбы с русской армией, чего и добивалась Франция. Париж был спасен ценой

гибели лучшей, кадровой части русской армии, отвлекшей на себя значительные немецкие силы с Западного фронта.

Дочь английского посла вспоминала: «Со всех вокзалов двигались погребальные процессии с гробами погибших офицеров...».

Дальнейшие события войны окончательно разведали миф о сердечном согласии союзников. Особенно это проявилось в 1916 г., когда главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта был назначен талантливый русский полководец генерал А. А. Брусилов. Он подготовил и блестяще осуществил летнее наступление своего фронта, прорвав сильно укрепленные военные позиции противника. Это была одна из крупнейших стратегических операций Первой мировой войны, получившая название «Брусиловский прорыв».

В результате немецкие войска вынуждены были прекратить военную операцию под Верденом («Верденская мясорубка»). Франция была вновь спасена.

Тем не менее, наступление русских союзники своевременно не поддержали, операция союзных войск на реке Сомме началась лишь спустя месяц после намеченного срока. «По тем средствам, которые имелись у Юго-Западного фронта, – писал Брусилов, – он сделал все, что мог, и большего выполнить был не в состоянии...».

Тяготы войны ускорили революционный взрыв в Петрограде. Невиданный голод поразили столицу России. Каждая хлебная очередь становилась политическим митингом, а каждый новый день войны мог означать гибель сына или мужа.

Лозунги исстрадавшихся от войны людей: «Хлеба», «Мира!» – звучали похоронным звоном по «сердечному согласию». После Октябрьской революции 1917 г. Советское правительство заключило перемирие и приступило к мирным переговорам с германо-австрийским блоком. 3 марта 1918 г. был подписан Брест-Литовский мирный договор.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И. В. Агония сердечного согласия. Лениздат, 1990.
2. Брусилов А. А. Мои воспоминания. М.: Воениздат, 1983.
3. Дипломатический словарь. М.: Наука, 1986. Т. 2.
4. Российские самодержцы (1801–1917). М.: Международные отношения, 1993.
5. Советская историческая энциклопедия. Т. 1. М.: Государственное научное издательство Советская энциклопедия, 1961.

ТЕМА 5. НАЧАЛО ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. 1905 г

РЕФЕРАТ: «ПРИЧИНЫ КРОВАВЫХ СОБЫТИЙ 9 ЯНВАРЯ 1905 г.»

ПЛАН

1. Введение
2. Деятельность С. В. Зубатова
3. Деятельность Г. Гапона и 9 января 1905 г.
4. Заключение
5. Использованная литература

1. ВВЕДЕНИЕ

Сейчас, когда мы живем во времена перемен, мы все чаще оглядываемся назад – в прошлое. Оглядываемся, чтобы лучше понять смысл настоящего. Революционные события во все времена приковывали к себе внимание, т. к. после них что-то обязательно менялось в жизни общества.

Первая русская революция 1905–1907 гг. внесла в размеренную монархическую жизнь России свои поправки – в результате в России появился первый русский парламент (Государственная дума), а власть царя была сильно подорвана. Началом этой революции принято считать одно из самых трагических событий нашей истории – Кровавое воскресенье (9 января 1905 г.). Казалось бы, сколько уже книг и исследований посвящено этой теме! Тем не менее до конца не ясны основные мотивы и причины, вызвавшие эти события.

А между тем это – одна из интереснейших страниц нашей истории. Ведь созданием зубатовских организаций, к которым мы относим и группу Гапона, была предпринята попытка повернуть рабочее движение в мирное русло. Как образовывались эти организации? Почему они не добились своих целей? Что же стояло за кровавыми событиями 9 января 1905 г.?

Ответам на данные вопросы и будет посвящен представленный реферат.

2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С. В. ЗУБАТОВА

«Зубатовщина» непосредственно связано с именем Сергея Владимировича Зубатова, имя которого интересно уже и потому, что он пытался перевести разрастающееся рабочее движение в мирное русло. Без понятия «зубатовщина» мы не поймем, почему же стало возможно Кровавое воскресенье.

Итак, с 1896 г. Зубатов значится начальником московского охранного отделения. «В 1896 г. в Москве обнаружилось массовое рабочее движение, поднятое революционерами, – отмечал С. Зубатов. – Естественно, за арестами главарей в помещение охранного отделения потянулись массы необычных клиентов – в лице рабочих. Попадаясь с прокламациями так называемого „частного характера“, т. е. с такими, в которых излагались одни только бытовые беспорядки, без какой-либо революционной фразеологии (дурная основа, придирки мастеров и пр.), но внизу которых значилась обычная революционная подпись (такой-то союз рабочей российской социал-демократической партии) с приложением печати партии, рабочие эти оказывались в удивительном и непонятном для себя положении: в охранном отделении интересовались вопросом, от кого такой-то рабочий получил прокламацию, где достал ее, принадлежит ли он к издававшему ее преступному обществу, а рабочий сворачивал все время разговор на содержание листка, на мастера, основу и пр. Подобного рабочего, взятого на месте преступления, надлежало бы выслать, а он, в сущности, оказывался политически невинен, как младенец. Мало того, вслед за его арестом являлась его жена с ребятами и плакала, что ей с семьей есть нечего. Создавалась настоятельная необходимость серьезно разобраться во всей этой путанице, а пока что приходилось прибегнуть к самоограничению и самообуздыванию в области репрессий»¹⁷.

Но одними репрессиями делу помочь было нельзя. И власть, как всегда, поступила хитро: одной рукой были сделаны некоторые уступки, издан 2 июня 1897 г. закон «о нормировке рабочего времени», т. е. об ограничении его 11 1/2 ч днем и 10 ч ночью; с другой стороны – был тут же подписан циркуляр МВД от 12 августа, суть которого, по словам одного из невольных его

---

¹⁷ Жухрай В. Тайны царской охранки: авантюристы и провокаторы. М., 1991. С. 23.

исполнителей – фабричного инспектора С. Гвоздева, сводилась к тому, чтобы ни в коем случае не допускать уступок рабочим и прекращать забастовки репрессивными методами: расчетом рабочих, высылкою их по месту жительства и арестом «зачинщиков»¹⁸.

Решив таким способом «рабочий вопрос», правительство, наконец, пожелало его изучить хотя бы элементарно – узнать, сколько в стране рабочих, где они живут, сколько зарабатывают, отчего бастуют. Поставив целью узнать все о рабочих, правительство первым долгом засекретило документацию собственной фабричной инспекции, запретило рабочим сообщать о стачках и входить в рассуждения о них, а затем разослало по всей стране эмиссаров в высоких генеральских чинах.

«В конце 90-х гг. жандармский генерал Пантелеев объезжал ряд губерний с целью собрать материал о положении рабочих, – писал все тот же Гвоздев. – Источником, из которого он черпал нужные ему сведения, являлись, конечно, чины полиции. И вот перед приездом генерала ко мне является жандармский ротмистр; с таинственным видом он закрывает все двери в мой кабинет и шепотом сообщает, что пришел ко мне по весьма секретному делу. А именно: узнать, сколько же зарабатывают рабочие? Я сказал, что в моем участке заработок рабочих колеблется от 3 руб. 50 коп. до 60 руб. в месяц. Я сказал правду, нисколько не кривя душой, и не мог сказать ничего иного, не вдаваясь в длинные объяснения, едва ли доступные жандармскому пониманию, но я не знаю, какие выводы мог сделать отсюда генерал Пантелеев»¹⁹.

А сколько же всего, в действительности, было рабочих в России в конце века? Согласно итогам переписи, на 28 сентября 1897 г. – 7 042 959 человек²⁰.

Для двадцатимиллионной страны с двухмиллионной регулярной армией это не так много. Однако же значение того или иного общественного слоя в политической жизни далеко не всегда определяется его численностью. Зубатов, например, считал, что сила рабочего класса в том, что «в его руках обреталась вся техника страны» и что он «опирался внизу на крестьянство, к сынам которого принадлежал», а вверху «необходимо соприкасался» с интеллигенцией. Будучи «разъярен социалистической пропагандой и агитацией в направлении уничтожения государственного и общественного строя, коллектив этот мог оказаться серьезнейшей угрозой для существующего порядка вещей»²¹.

Однако же просто так, одной пропагандой «разъярить» миллионы людей – задача невыполнимая. Для пропаганды нужна почва, нужны объективные предпосылки. Это понимало даже правительство, и даже оно желало знать: есть ли таковые? И в чем заключаются? Нам вроде бы ответ известен давно, его легко можно найти в любой популярной книжке о революции: «Доведенные до отчаяния голодом и нищетой, рабочие...». Но действительно ли рабочий жил хуже, беднее, чем, например, крестьянин?

Попробуем, по возможности объективно, представить себе уровень жизни российского рабочего на грани веков. Начнем с заработков. Согласно поданной в министерстве финансов справке, средняя зарплата на Путиловском заводе с 1899 по 1904 г. выросла с 37 руб. 54 коп. до 43 руб. 46 коп. За средними цифрами скрыт довольно широкий разброс зарплат, в зависимости от профессии и квалификации. Мастерские инструментальной мастерской получали, например, в среднем 59 руб. 47 коп., а рабочие по двору – только 18 руб. 59 коп. в месяц²².

Но 40 рублей – это много или мало? Если сопоставить с ценами на основные продукты питания – в 1891–1900 гг. фунт печеного хлеба стоил 2,1 коп. (чуть больше пяти копеек за 1 кг); а в 1901–1904 гг. цены на хлеб и мясо составляли, соответственно, 2 коп. (5 коп. за 1 кг)

---

¹⁸ Касвинов М. К. Двадцать три ступени вниз. М., 1987. С. 107.

¹⁹ Касвинов М. К. Указ. соч. С. 112.

²⁰ Панкратова А. Первая русская революция 1905–1907 гг. М., 1951. С. 12.

²¹ Перегудова З. И. Политический сыск в России 1880–1917 гг. М., 2000. С. 65.

²² Панкратова А. Указ. соч. С. 61.

и 4 руб. 77 коп. за пуд (30 коп. за 1 кг), – то заработки рабочих на грани веков покажутся нам очень приличными. Но полученная таким образом картина, конечно же, не до конца верна. Дело в том, что продукты питания в аграрной России были весьма дешевы, необходимые же промышленные изделия и особенно жилье – дороги. В среднем квартира в Петербурге в месяц обходилась в 13 с половиной рублей. Плюс дрова – 4 руб. в месяц²³.

Конечно, в других городах, а особенно в селах, цены на жилье были скромнее, но и заработки там были ниже.

Попробуем понять, что же стояло за типичными требованиями рабочих-забастовщиков. Историки делят, обычно, требования забастовщиков на экономические и политические. Очень популярно было требование об «отмене штрафов». На Путиловском заводе средний размер штрафов составлял 2 руб. 63 коп. в месяц, т. е. около 5 % заработка. В провинции же (например, по участку фабричного инспектора Гвоздева) штрафы за 1900 г. составили всего 0,61 % заработка рабочих²⁴.

И тот же Гвоздев пишет: «Штрафы – это бесконечный источник печалей рабочего класса. Это самая досадная статья расхода»²⁵.

Как писал питерский мастерской тех лет Л. Тимофеев в своих записках: «При наложении взысканий больше, чем при каких-либо иных действиях заведующего, может проявляться его предвзятое отношение, может отражаться его случайное настроение, могут сказаться его посторонние влияния. Именно штрафами хозяева хотят выразить свое глумление над рабочими, постоянно напоминая о той зависимости, в какой они находятся»²⁶.

Еще меньше экономического смысла в таких популярных «экономических» требованиях, как обратный прием уволенных товарищей или, наоборот, увольнение ненавистного мастера. Ведь никто же при этом всерьез не надеялся, что новый мастер будет, скажем, больше платить. Дело было в другом. «Мастер, – писал Тимофеев, – это тот винт в заводской жизни, который ближе всего нажимает на рабочего и от которого ближайшим образом зависит его существование». И требование забастовщиков об удалении мастера выступает на заводе таким же последним и единственным ограничением произвола, как и требование об отмене штрафов.»²⁷

Популярность этих требований, как мы видим, отнюдь не свидетельствовала о нищете рабочих. Это был протест против социально-нравственной приниженности, собственного бесправия и произвола администрации. Это был вопрос гордости, а не «желудка», борьбы за человеческое достоинство, а не за «копейку». Кроме того, бурный рост капитализма в России конца XIX-нач. XX вв. отразился и на развитии рабочего движения. Новые, молодые фабриканты были одними из раздражителей рабочего движения. «К общей характеристике фабрикантов, – свидетельствовал С. Гвоздев, – следует добавить, что большинство их обладало удивительной мелочностью, скупостью, почти граничащей со скарденностью, главным образом, конечно, в том, что не касалось их лично самих; вместе с тем они иногда проявляли полное невнимание к таким дефектам в деле, которые приносили им громадные убытки»²⁸.

Итак, фабричная жизнь была на грани веков зоной наибольшего социального напряжения, аккумулятором протеста, взрывной, разрушительной силы. Но значит ли это, что рабочий вопрос в России имел только одно, революционное решение? Именно этим и озадачился Зуба-

---

²³ Там же, с. 62.

²⁴ Там же, с. 64.

²⁵ Касвинов М. К. Указ. соч. С. 114.

²⁶ Кавторин В. Первый шаг к катастрофе 9 января 1905 г. М., 1992. С. 41.

²⁷ Там же, с. 43.

²⁸ Касвинов М. К. Указ. соч. С. 115.

тов. И так, что же предлагал Зубатов? Почему зубатовское движение, создававшееся, чтобы затормозить революцию, на самом деле ее страшно ускорило?

Зубатов в начале века писал: «Народная масса во все времена и у всех больших народов (не говоря уже о нашем) всегда живо верила, что только монарх является представителем общих интересов, защитником слабых и угнетенных. В Риме, в Средние века, она неизменно поддерживала монархическую власть в ее борьбе с аристократией и нобилитетом. Народное представительство, просуществовав всего сто лет, трещит уже по всем швам, и не выдерживающая критики его политическая идея умирает, уступая место процессу развивающейся самоорганизации народа (печать, профессиональные движения всех видов и прочие). Введенная в заблуждение хитроумной системой народного представительства, народная масса дрогнула было, но, раскусив сей орех, охладела к нему»²⁹.

В этом Зубатов близко сходится с другим носителем и пропагандистом «выстраданной монархической идеи» – Львом Тихомировым. Еще в августе 1888 г. этот бывший народоволец писал царю в прошении о помиловании: "Чрезвычайную пользу я извлек из личного наблюдения республиканских порядков и практики политических партий. Нетрудно было видеть, что самодержавие народа, о котором я когда-то мечтал, есть в действительности совершенная ложь и может служить средством для тех, кто более искусен в одурачивании толпы. Я увидел, как невероятно трудно восстановить или воссоздать государственную власть, однажды потрясенную и попавшую в руки честолюбцев. Развращающее влияние политиканства, разжигающего инстинкты, само бросалось в глаза. Все это осветило для меня мое прошлое, мой горький опыт и мое размышление и придало смелости подвергнуть строгому пересмотру пресловутые идеи французской революции. Одну за другой я их судил и осуждал. И понял, наконец, что развитие народов, как всего живущего, совершается лишь органически, на тех основаниях, на которых они исторически сложились и выросли, и что поэтому здоровое развитие может быть мирным и национальным.

Таким путем я пришел к власти и благородству наших исторических судеб, совместивших духовную свободу с незыблемым авторитетом власти, поднятой превыше всяческих алчных стремлений честолюбцев. Я понял, какое драгоценное сокровище для народа, какое незаменимое орудие его благосостояния и совершенствования составляет власть с веками укрепленным авторитетом"³⁰.

Зубатов, если вчитаться в его статьи внимательно, видит, что неустойчивость демократий ведет вовсе не к возрождению монархий, но к возникновению различных форм развивающейся самоорганизации народа" – свободной печати, профессиональных союзов. И что это «развязывание общественных сил», их непосредственный выход на политическую арену создает стабилизирующую систему стяжек и противовесов. Зубатов считал это развязывание не органическим порождением демократии, а чем-то самим по себе хорошим, что под сенью монархии, следовательно, окажется еще лучше. Так рождается то, что он именует «правильно понятой монархической идеей»: власть монарха как некий балансир и регулятор свободной борьбы «развязанных» общественных сил. По Зубатову, вся беда лишь в том, что между царем и народом обыкновенно образуется срастание из сословных, профессиональных и классовых элементов, обуживающих понятие «народ» до собственного объема и извращающих все нормальные государственные отношения³¹.

К числу этих элементов он относил: а) аристократию (плутократию), традиционно заинтересованную в ограничении самодержавия; б) нобилитет, под которым скорее всего следует понимать крупную и среднюю буржуазию, и в) интеллигентов, которых он, за исключением

---

²⁹ Жухрай В. Указ. соч. С. 51.

³⁰ Перегудова З. И. Указ. соч. С. 75.

³¹ Кавторин В. Указ. соч. С. 64.

«крупных» и «национально мыслящих», зачисляет в революционеры по самой их природе «идеологов». Ну а все, кто остается за пределами этих групп, – это и есть народ, поддерживающий самодержавие и поддерживаемый им в борьбе с указанными группами образованного общества, а потому от сильной власти только выигрывающий. Поэтому первостепенную задачу русской государственности Зубатов видел в том, чтобы «слить воедино царя и народ», перекинув между ними своеобразный политический мост над всем «образованным обществом»³².

Например, «зная непочтительность к себе народной массы и живую веру ее в монархический принцип, нобилитет старается сохранить „монархию“ в целях вящего использования ее в своих целях и при том безнаказанно со стороны народных масс. Поддавшаяся в истории на эту удочку монархическая власть принуждена была затем играть роль дворцового гренадера на сундуках нобилитета». Следовательно, надо не поддаваться, а «для равновесия (в качестве противовесия) с чувствующей себя гордо и поступающей нахально буржуазией нам надо прикармливать рабочих, убивая тем самым сразу двух зайцев: укрощая буржуазию и идеологов и располагая к себе рабочих и крестьян». И вообще, Зубатов был уверен, что «при нынешнем положении девизом внутренней политики должно быть поддержание противовеса среди классов, злобно друг на друга поглядывающих»³³.

Таковы были в общих чертах представления Зубатова о движущих силах современного ему общества, их идеальном взаимодействии. Но, разумеется, он не мог не видеть, сколь многое в реальной политической практике было бесконечно далеко от рисуемых им схем. Он мечтал о слиянии народной массы с монархией, а видел ее нарастающее слияние с радикальной интеллигенцией; он мечтал о «развязанности» общественных сил, а вынужден был вязать даже те, которые считал совершенно безвредными; считал, что монархическая власть ни в коем случае не должна играть роль «дворцового гренадера на сундуках нобилитета», но вспыхивала очередная забастовка, вновь, «как нарочно, неправыми оказывались не рабочие», а он, представитель этой самой монархической власти, все равно должен был всячески оберегать покой и интересы «чувствующей себя гордо и поступающей нахально буржуазии», а искренних монархистов-рабочих высылать из Москвы.

Из этого разлада между «монархическим идеалом» и монархической действительностью и родилась его идея мирных, легальных общественных движений. Не только рабочих – он пытался создать легальное студенческое движение, придать мирный и промонархический характер движениям национального характера³⁴.

Началом зубатовской деятельности можно считать 1897 г. Еще раньше на должность московского обер-полицмейстера был назначен Д. Ф. Трепов. В его лице Зубатов нашел горячего сторонника своих идей по урегулированию рабочего вопроса сверху. Зубатов писал: «Начиная с 1897 г., я пытался найти почву для примирения с рабочими». 12 августа 1897 г. министерство внутренних дел издало циркуляр о борьбе со сходками и стачками, 4-й и 8-й параграф, которого требовали всех активных участников стачек, «обыскав, арестовать и выслать». «С изданием этого пресловутого Манифеста, – резюмировал Зубатов, – правительство само как бы признавало движение преступлением не только политическим, но и государственным»³⁵.

Однако же московская администрация во главе с Треповым поняла (или сделала вид, что поняла) суть циркуляра совсем иначе. Главными параграфами сочли здесь другие – 2-й и 5-й, осторожно предлагающие выяснять и устранять, «по возможности, поводы к неудовольствию в тех случаях, когда рабочие имели основание жаловаться»³⁶. С этого момента и вошла москов-

---

³² Там же, с. 65.

³³ Кавторин В. Указ. соч. С. 70.

³⁴ Там же, с. 70.

³⁵ Перегудова З. И. Указ. соч. С. 81.

³⁶ Там же, с. 83.

ская рабочая политика в явный диссонанс с общеимператорской. Вскоре из Санкт-Петербурга в Москву прибыла представительная комиссия во главе с тайным советником В. Коковцевым для разбирательства. Она обнаружила:

1. Что принятие мер к предупреждению споров и недоразумений между фабрикантами и рабочими путем исследования на месте возникающих неудовольствий и миролюбивого соглашения сторон проводится на фабриках и заводах столицы не только чинами фабричной инспекции, но и чинами полиции, иногда без участия и ведома инспекции;

2. Что полиция принимает заявления рабочих, касающиеся нарушения порядка и благоустройства на фабриках и заводах, но не для направления их по принадлежности к фабричной инспекции, а для производства самостоятельных дознаний без участия инспекции;

3. Что московский обер-полицмейстер дает непосредственно от себя указания фабричным инспекторам, притом иногда несогласные с законом и изданными в развитие его правилами³⁷.

Осудив столь «ненормальное положение вещей» в Москве, председатель комиссии, тайный советник Коковцев счел необходимым добавить, что, по его «личному убеждению», причины сего заключаются, «во-первых, в личном взгляде московского обер-полицмейстера на обязанности его по отношению к фабрично-заводскому населению. Исходя из той мысли, что рабочие только тогда будут обращаться к правительственной власти со своими пожеланиями и ждать от нее удовлетворения (а не от противоправительственных элементов), когда убедятся, что власть эта сильна и стоит на стороне их интересов, безотлагательно восстанавливая нарушенную справедливость, – московский обер-полицмейстер же считает всякое неудовольствие, высказанное по какому-либо поводу среди рабочих, – беспорядком на фабрике или заводе, не только дающим полиции право, но даже возлагающим на нее обязанность вмешаться в разбор неудовольствия»³⁸.

Как видим, Трепов воспринял зубатовские идеи всерьез: проводил его принципы на практике и с известным мужеством отстаивал их перед начальством, идя даже на межведомственные конфликты. Для понятия сути этих конфликтов надо иметь в виду, что официально российская промышленность находилась в ведении министерства финансов, и отношения рабочих и хозяев регулировались его фабричной инспекцией. И «принцип законченности» всячески проповедовался в этом ведомстве. «Рабочий труд рабочего человека и рабочий вопрос, – писал позднее Зубатов, – министерством финансов рассматривались лишь со стороны строго формальной и исключительно экономической точки зрения, под которую, конечно, никак нельзя было подвести революционность рабочего коллектива с его разнообразными стремлениями. А потому явления этого оно как бы не хотело замечать и ради него не желало поступаться своими правами»³⁹.

Пожалуй, особую убедительность принципам зубатовско-треповской «попечительной политики» могла бы придать их практика. По свидетельству Л. Меншикова – чиновника московской охранки, «пользуясь тем, что охране „законы не писаны“, Зубатов начал вмешиваться во все более или менее крупные конфликты, возникающие между рабочими и хозяевами, стал поручать подведомственным ему чинам производить особые расследования о фабрично-заводских порядках, стараясь, не без задней мысли, конечно, демонстрировать отеческую заботу начальства об экономических нуждах рабочего класса и строго карая в то же время всякую агитацию, в особенности политического характера. Слава о Трепове – покровителе рабочих – заметно росла в среде темной фабрично-заводской массы»⁴⁰.

---

³⁷ Жухрай В. Указ. соч. С. 73.

³⁸ Там же, с. 73–74.

³⁹ Касвинов М. К. Указ. соч. С. 121.

⁴⁰ Перегудова З. И. Указ. соч. С. 90.

Так, например, была предотвращена забастовка на фабрике Шульца-Шуберта (февраль 1898 г.) и ряд других.

Но все это были эксперименты в одном отдельно взятом городе. Ибо внутренняя политика в империи в целом развивалась в эти годы совсем в ином направлении, о чем свидетельствует обширная записка «по рабочему вопросу», с которой выступил сам министр внутренних дел Д. С. Сипягин. Резюмируя ее, профессор Озеров писал: «Одним словом, Сипягин с удивительной виртуозностью хотел превратить фабрики в военные лагеря с широкой системой шпионства, соглядатайства и наушничества. Эта записка чрезвычайно характерна для развития воззрений на рабочий вопрос в России: проповедь опеки доводится до апогея, но если, по мысли Сипягина, она не будет иметь своего воздействия, то – беспощадное применение физической силы»⁴¹.

Зубатов лучше других чувствовал атмосферу «рабочего котла» и понимал, что ни указом 1899 г. об усилении полиции на фабриках, ни каким-либо другим закручиванием гаек уже ничего не сделаешь: котел вот-вот закипит – и тогда произойдет страшное. И потому он хотел приподнять хотя бы крышку этого котла, дать выход пару, но так, чтобы в любой момент его можно было все же захлопнуть. А для этого «правительственным попечением» надо не превращать фабрики в казармы, а, наоборот, вести дело к «развязыванию общественных сил», предоставлению им определенных возможностей для свободной игры интересов. Он, в отличие от большинства своих начальников, прекрасно видит, что запретить рабочее движение, как и всякую другую объективную потребность, нельзя. И поэтому он ставит вопрос по-другому: кому удастся этим движением овладеть, такие оно и примет формы, характер и направление⁴².

Сотрудник московской охранки, будущий жандармский генерал А. Спиридович так характеризовал зубатовские идеи: "Основная идея Зубатова была та, что при русском самодержавии, когда царь надпартиен и не заинтересован по преимуществу ни в одном сословии, рабочие могут получить все, что им нужно, через царя и его правительство. Освобождение крестьян – лучшее тому доказательство. Рабочее движение должно быть профессиональным, а не революционно-социал-демократическим, и его надо направить на этот, первый путь. И хотя у самих социал-демократов увлечение экономизмом почти проходит, но все-таки это направление надо использовать. Правительство уже сделало ошибку, прозевав его, но что же делать: лучше поздно, чем никогда. Путем собеседования Зубатов стал подготавливать пропагандистов своих идей из рабочих. В отделении была заведена библиотека с соответствующим подбором книг – Рузье, Вебб, Геркнер, Прокопович, Зомбарт, новый труд Бердяева «Поворот к идеализму» – все было пущено в ход, дабы переубедить сторонников революционного марксизма и направить их в сторону профессионального движения.

Между тем рабочее движение находилось в то время на перепутье, и от правительства в значительной степени зависело – дать ему то или иное направление. То был момент, когда правительству надлежало овладеть рабочим движением и направить его по руслу мирного профессионального движения"⁴³.

Итак, Зубатов проявил себя как неординарный человек, пытаясь привести революционное движение в нечто управляемое. По сути, его можно считать основателем первых русских профсоюзов. Но, как мы говорили выше, он понимал, что должен быть какой-то перепускной клапан. И им стало Кровавое воскресенье 1905 г.

---

⁴¹ Смолин И. 9 января 1905 года в Петербурге. Л., 1965. С. 38.

⁴² Жухрай В. Указ. соч. С. 89.

⁴³ Перегудова З. И. Указ. соч. С. 101.

3. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Г. ГАПОНА И 9 ЯНВАРЯ 1905 ГОДА

В 1902 г. Зубатова переводят в Петербург, где ему поручено продолжать заниматься тем же самым, чем занимался в Москве, – организацией легальных рабочих союзов.

«Когда, – вспоминал в 1912 г. Зубатов, – по прибытии в 1902 г. в Петербург, мною было приступлено там к организации легального рабочего движения через подручных мне московских деятелей, местная администрация очень ревниво отнеслась к этому начинанию и, зная, что в Москве рабочие были оставлены мною на руки духовной интеллигенции, постоянно стала убеждать меня познакомиться с протежируемым ею отцом Георгием Гапоном, подававшим в администрацию записку о нежелательности организации босяков. Странность темы не располагала меня ни к ознакомлению с запиской (так и оставшейся мною не прочитанной), ни к знакомству с автором. Тем не менее меня с Гапоном все-таки познакомили. Побеседовав со мною, он обычно кончал просьбою „дать ему почитать свеженькой нелегалышки“, в чем никогда отказа не имел. Из бесед я убеждался, что в политике он достаточно желторот, в рабочих делах совсем сырой человек, а о существовании литературы по профессиональному движению даже не слышал. Я сдал его на попечение моему московскому помощнику (рабочему), с которым он затем не разлучался ни днем, ни ночью, ночуя у него в комнате и ведя образ жизни совсем аскетический»⁴⁴.

Гапон же так вспоминал о знакомстве с Зубатовым: "Однажды Михайлов приехал ко мне в академию и сказал, что одно лицо хочет со мной познакомиться, и просил меня немедленно ехать к нему. «Вы сейчас увидите Зубатова», – сказал мне Михайлов. Я в это время ничего не знал ни о департаменте полиции, ни о Зубатове, всесильном начальнике политического отделения. Мое любопытство было сильно возбуждено. «Мой коллега Михайлов, – сказал Зубатов с приветливым движением руки, – хорошо отзывался о вас. Он говорит, что вы в постоянном общении с рабочими, имеете свободный к ним доступ и оказываете на них большое влияние. Вот почему я так рад познакомиться с вами»⁴⁵.

Далее Гапон продолжал: «После долгих колебаний я решил, несмотря на испытываемое мной отвращение, принять участие в начальной организации и попытаться, пользуясь Зубатовым как орудием, постепенно забрать контроль в свои руки. Я полагал, что, начав организацию рабочих для взаимной помощи под покровительством властей, я могу одновременно организовать и тайные общества из лучших рабочих, которых я воспитаю и которыми я буду пользоваться как миссионерами, и таким образом мало-помалу направлять всю организацию к желаемой цели»⁴⁶.

Постепенно численность людей, ходящих на собрания Гапона, росла. Если в ноябре 1903 г. 30 с лишним человек входило в группу Гапона, то в последующем численность ее стала расти: 1 мая 1904 г. – 170 человек; 30 мая 1904 г. – 750 человек; 21 сентября 1904 г. – 1 200 человек⁴⁷.

Как видим, группа Гапона пользовалась популярностью. Во многом это объяснялось его личным обаянием. Летом 1904 г. численность «действительных членов собрания» продолжала заметно расти, был даже открыт еще один отдел – Василеостровский. 19 сентября в Народном доме Паниной состоялось общегородское собрание всех отделов. Зал на 1 000 мест был забит еще с утра⁴⁸.

---

⁴⁴ Жухрай В. Указ. соч. С. 120.

⁴⁵ Венедиктов Д. Георгий Гапон. М., 1990. С. 19.

⁴⁶ Там же, с. 20.

⁴⁷ Авенар Э. Кровавое воскресенье. М., 1991. С. 30.

⁴⁸ Там же, с. 31.

Идея созыва этого общегородского собрания была отличным политическим ходом – мирным и даже лояльным по отношению к властям способом дать почувствовать членам группы их возросшую силу, проникнуться гордостью за свою принадлежность к чему-то необычному, будоражащему умы. С начала осени работа организации, к тому же, окончательно приобретает черты правильно, регулярно поставленной деятельности. Все отделы были открыты ежедневно с семи часов вечера; по средам и воскресеньям в них регулярно проходили собрания; каждую субботу в квартире Гапона на Церковной собирались «штабные», чтобы подготовить материал для очередных московских собраний⁴⁹.

«По средам и воскресеньям выступать могли все пришедшие, причем при входе контроля не было никакого. Конечно, выступали со своими мыслями люди более или менее развитые, но иногда не обходилось и без того, чтобы иной нес ахинею. В дни, когда не было ни собраний, ни лекций, в отделы приходили просто так – почитать газеты, потолковать в тесном кругу за чайком. Буфеты-чайные были при каждом отделе и никогда не пустовали. И это тоже была важная часть общей работы, быть может, даже важнейшая», – писал участник тех собраний, певец И. Павлов⁵⁰.

Отделы собрания росли как грибы после дождя. У группы было теперь все: покровительство обманутого начальства, деньги (благодаря концертам и чайным отделе совсем неплохо окупались), а главное – кадры. Только полиция чувствовала себя здесь все более неуютно. Гапон до того осмелел, что однажды просто на просто выставил полицейского пристава: «Вам здесь делать нечего. У нас был градоначальник – это лучшее свидетельство того, что у нас все благополучно и законно»⁵¹.

«Осенью у собрания появился запасной капитал в банке. В несколько тысяч. Когда появился капитал, дело ширится и развивается. Задумана широкая система кооперации – открыть при отделах свои мастерские, чтобы обувь и платье рабочему, находящемуся в кооперации, стоила ровно столько, сколько стоит материал при оптовой закупке. Возникает проект специального рабочего банка, созданного исключительно на рабочие деньги»⁵², – писал журналист Н. Симбирский.

Но все это были мечты, миражи. Потому что все эти благие веяния, радужные перспективы сулили сколько-либо реальные сдвиги лишь при длительном существовании собрания. А длительно оно существовать не могло. И осенью 1904 г. в нем самом и вокруг него уже нарастали социальные и психологические напряжения, неизбежные и, собственно, ведущие к катастрофе 9 января. Превращение «благотворительного», реакционного, непрерывно распевającego молитвы и чуть ли не на деньги полиции созданного гапоновского собрания в неслышанно грозную революционную силу составляло для большинства современников загадку: да как же такое могло случиться?

Не следует забывать, что сама структура гапоновского собрания (харизматический лидер + узкий круг «посвященных» + круг полупосвященных + масса, находящаяся под властным обаянием своего харизматического лидера) делала его явлением весьма динамичным, мощно резонирующим на всякую подвижку общественной жизни. Тем временем обстановка в стране накалялась. Это было связано еще и с военными поражениями в идущей Русско-японской войне. У собрания Гапона возникла вначале смутная потребность, а затем и настоятельная мысль о некоей демонстрации силы, оформившаяся на совете «штабных» гапоновцев 28 ноября 1904 г. в «заговор на выступление»⁵³.

---

⁴⁹ Смолин И. 9 января 1905 г. в Петербурге. Л., 1965. С. 25.

⁵⁰ Венедиктов Д. Указ. соч. С. 55.

⁵¹ Убийство Гапона. Записки П. М. Рутенберга. М., 1990. С. 13.

⁵² Панкратова А. Указ. соч. С. 190.

⁵³ Убийство Гапона. Записки П. М. Рутенберга. М., 1990. С. 15.

Н. Варнашов, один из активистов зубатовских организаций, вспоминал, что «речи Гапона и других, то торжественно серьезные, то страстные до отчаяния, так овладели всеми, что пишущему это в первый момент показалось, что результат достигнут обратный – какая-то растерянность и паника отражалась на лицах и движениях всех. Но вот начали раздаваться восклицания и фразы, в которых звучал один вопрос – когда, каким образом и что надо делать? Сразу же возник и острый спор о сроках планируемого выступления: не подождать ли крупного военного поражения? Скажем, падения Порт-Артура или гибели небогатовской эскадры? Что эскадра погибнет, у нас не было двух мнений, но за ожидание этой катастрофы стояли Гапон, Кузин и Варнашов с одной частью собрания, а вторая часть с Карелиным и Васильевым во главе настаивала на скорейшем выступлении, но все-таки соглашалась с Гапоном, пока ко второй части не присоединилось событие, перепутавшее все расчеты, – Путиловская забастовка»⁵⁴.

Таким образом, до начала обсуждения в собрании ситуации с четырьмя уволенными рабочими-путиловцами идея общего выступления никак не связывалась с забастовочным движением. И. Павлов вспоминал: «Мало-помалу стали распускать всякие вздорные мысли про собрание, поносили Гапона на чем свет стоит, но это только приносило ему пользу, т. к. увеличивало интерес к собранию у рабочих. Затем пошли насмешки над „гапоновцами“, „поповичами“ – и это не действовало. Тогда, очевидно, решили идти на форменное противодействие. Что расчет четырех рабочих был пробным шагом Путиловского завода, в том нет никакого сомнения. До сих пор Гапон все встречавшиеся трения и недоразумения с полицией и администрацией заводов обходил елейно, ему одному известным путем. Но в этом случае он сам, сколько мне помнится, заявил, что наступил момент, когда собрание может сделать открыто выступление в защиту своих интересов»⁵⁵.

Если решимость собрания выступить подогревалась нарастающей либеральной волной, то и решимость заводчиков стоять насмерть тоже подогревалась волною, только противоположной, идущей из консервативных кругов, только что одержавших победу на самом верху и, естественно, желавших свой успех закрепить. Это с одной стороны, а с другой – решимости заводчиков немало способствовали и доходившие до них слухи о готовящемся грандиозном выступлении рабочих. Таким образом конфликт был неизбежен. 26 декабря торжественно открылся очередной, 10-й, отдел собрания на Гаванской улице. Председателем кружка ответственных лиц был избран «действительный член собрания с августа 1904 г.» П. Давлидович⁵⁶.

Гапон торжественно освятил помещение. Все было, как всегда. Собрание росло, процветало и, похоже, само еще не до конца осознавало, что ступило на ту тропу войны, с которой нет возврата. Когда же был сделан решающий шаг на эту тропу и кто его сделал?

На съезде собрания – 27 декабря 1904 г. – была принята петиция, состоящая из 5 пунктов:

- 1) заявить через градоначальника нашему правительству, что отношение труда и капитала в России ненормально. Это проявляется, между прочим, в отношениях мастеров к рабочим;
- 2) потребовать от администрации Путиловского завода, чтобы мастер Тетявкин немедленно был удален с завода;
- 3) уволенные за принадлежность к обществу должны быть немедленно приняты обратно;
- 4) через особую депутацию довести до сведения градоначальника и фабричного инспектора о случившемся и просить, чтобы впредь подобные факты не повторялись;
- 5) если законные требования рабочих не будут удовлетворены, то собрание фабрично-заводских рабочих не ручается за спокойное течение жизни города"⁵⁷.

---

⁵⁴ Венедиктов Д. Указ. соч. С. 103.

⁵⁵ Кавторин В. Указ. соч. С. 303.

⁵⁶ Там же, с. 310.

⁵⁷ Убийство Гапона. Записки П. М. Рутенберга. М., 1990. С. 20.

Три делегации должны были вновь представить эту резолюцию директору, фабричному инспектору и градоначальнику – теперь уже от лица всего собрания⁵⁸. Забастовка еще как бы не решена. Но уже неизбежна. Неизбежна политически, ибо к четырем очень скромным пунктам присоединен пятый, по существу, оскорбляющий власть. 29 декабря делегация собрания посещает директора завода Смирнова и получает отказ в удовлетворении своих требований. Таким образом, уже с 30 декабря события приобретают черты необратимости. В воскресенье 2 января в зале Нарвского отдела общества произошло собрание, окончательно решавшее вопрос о забастовке⁵⁹. Это привлекло к обществу внимание революционеров и полиции. Требования гапоновцев из первоначально экономических превращались в политические.

Власти, связанные с Гапоном, попытались через него предотвратить намечавшуюся забастовку и шествие, но он отвечал им, что уже не может никак влиять на рабочих. Движение развертывалось и своей внутренней силой опережало намеченные для него сроки. Слишком велик был запас накопившейся горечи и гнева. К тому же начало забастовки совпало с сообщением о капитуляции Порт-Артура: к чувству социальной ущемленности примешалось оскорбленное национальное достоинство.

6 января на собрании решено устроить шествие к царю. В ночь с 6 на 7 января Гапон пишет свою петицию и рассылает по отделениям общества. По агентурным данным царской охранки, к середине дня 7 января выясняется, что забастовка приняла поистине угрожающие размеры (бастовало 382 предприятия и 105 тыс. рабочих!)⁶⁰.

Катастрофа была неизбежна. В тот же день, 7 января, Гапон встречается с министром юстиции Муравьевым, который сам пригласил его. Гапон так вспоминал эту встречу: "Я вручил ему копию нашей петиции. Он внимательно посмотрел ее и затем простер руки с жестом отчаяния и воскликнул:

– Но ведь вы хотите ограничить самодержавие!

– Да, – ответил я, – но это ограничение было бы на благо как для самого царя, так и его народа. Если не будет реформы свыше, то в России вспыхнет революция, борьба будет длиться годами и вызовет страшное кровопролитие. Мы не просим, чтобы все наши желания были немедленно удовлетворены. Пусть простят всех политических и немедленно созовут народных представителей, тогда весь народ станет обожать царя.

Министр, отпуская меня, сказал:

– Я исполню свой долг.

Когда я спускался по лестнице, меня поразила мысль, что эти загадочные слова могут иметь только тот смысл, что он поедет к царю посоветовать стрелять без колебаний"⁶¹.

7 января Санкт-Петербург был объявлен на военном положении и разделен на 8 округов. В город стянули дополнительные войска. Мирное шествие 9 января 1905 г. было обречено. Накануне Гапон, понимая весь трагизм будущей катастрофы, писал письма в различные инстанции с просьбой отменить военное положение, объясняя, что шествие к Зимнему дворцу имеет исключительно мирный характер. Но все было безрезультатно. Перепуганные масштабами шествия и забастовкой, царь и его окружение сделали все, чтобы этот день вошел в анналы истории. Расстрелом мирного шествия 9 января 1905 г. царское правительство положило начало первой русской революции, которая закончилась только в 1907 г.⁶²

---

⁵⁸ Авенар Э. Кровавое воскресенье. М., 1991. С. 55.

⁵⁹ Там же, с. 70.

⁶⁰ Кавторин В. Указ. соч. С. 313.

⁶¹ Перегудова З. И. Указ. соч. С. 150.

⁶² Смолин И. Указ. соч. С. 141.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, подойдя к концу нашего реферата, мы можем сделать некие выводы.

Мы видим, что, оказывается, Кровавое воскресенье спровоцировали сами власти. Дав добро на организацию зубатовских кружков, царское правительство пошло, тем не менее, не до конца. История, как известно, не терпит сослагательных наклонений, и что сделано – уже не возвратишь. Объективно всем ясно, что царская власть к началу XX в. уже разлагалась и, разлагаясь, мешала своим зловонием всем благим начинаниям.

Зубатов был, конечно, идеалистом, но кто знает, если бы ему дали большую свободу, пошло ли что-нибудь по другому сценарию, отличному от Кровавого воскресенья, или нет? События в истории повторяются. В наше время возникают ситуации, схожие с событиями столетней давности: налицо слабость власти, стагнация производства и т. д. Быть может, оглянувшись назад, мы найдем решение своих проблем в прошлом.

5. ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Авенар Э. Кровавое воскресенье. М.: Мысль, 1991.
2. Венедиктов В. Георгий Гапон. М.: Изд-во политической литературы, 1990.
3. Жухрай В. Тайны царской охраны: авантюристы и провокаторы. М.: Изд-во политической литературы, 1991.
4. Кавторин В. Первый шаг к катастрофе 9 января 1905 года. Л. Лениздат, 1992.
5. Касвинов М. К. Двадцать три ступени вниз. М.: Мысль, 1987.
6. Панкратова А. Первая русская революция 1905–1907 гг. М.: Правда, 1951.
7. Перегудова З. И. Политический сыск в России 1880–1917 гг. М.: Росмэн, 2000.
8. Смолин И. 9 января 1905 года в Петербурге. Л.: Лениздат, 1965.
9. Убийство Гапона. Записки П. М. Рутберга. М.: Слово, 1990.

ТЕМА 6. ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ 1906–1907 гг

РЕФЕРАТ: «ПЕРВАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА. 1906 г.»

ПЛАН

1. Введение
2. Открытие первой Государственной думы
3. Государственная дума и правительство
4. Попытки создания ответственного перед Думой министерства
5. Роспуск первой Думы
6. Заключение
7. Использованная литература

1. ВВЕДЕНИЕ

В 1906 г. впервые в России было создано представительное учреждение, обладавшее законодательными правами, – Государственная дума. Деятельность ее представляет особый

интерес, поскольку это был первый в истории страны выбранный народом законодательный орган, имевший право контроля за некоторыми сторонами государственного управления, что ранее являлось безраздельной прерогативой царя-самодержца. Конечно, выборы в Думу происходили не на демократической основе: целые пласты населения – женщины, военнослужащие, так называемые «бродячие инородцы» (т. е. скотоводы севера и юга страны), рабочие мелких предприятий – были лишены права выбирать и быть избранными.

Выборы не были прямыми, шли по «куриальной системе», когда выборщики, объединенные по цензовому или социальному признаку (домовладельцы, землевладельцы, рабочие, крестьяне-общинники), выбирали каждый в своей курии; не были они и равными, т. к. курии были разными по количеству избирателей. Кроме того, в первой курии (земельные собственники, в основном помещики) выбирали по двухстепенной системе (выбранные в губернские выборщики выбирали сразу членов Думы), а для крестьян-общинников – четырехстепенные (сход-волость-губерния-Дума). В результате один голос в первой курии приравнивался к трем голосам богатых горожан второй курии, 15 голосам крестьян третьей курии и 45 голосам рабочих крупных предприятий, объединявшихся в четвертой, так называемой «второй городской» курии.

Не была Дума и всемогущей. Накануне открытия заседаний первой Думы права ее были резко ограничены: она не имела возможности пересматривать основные государственные законы; вне сферы ее деятельности находились вопросы внешней политики, дела, связанные с вооруженными силами. Все это оставалось прерогативой царя. Даже бюджетные права Думы оказались урезанными: она, например, не могла контролировать бюджет, иногда и расходы, связанные с содержанием царского двора: была и специальная статья, не подлежавшая огласке в Думе и называвшаяся «На известное Его императорскому Величеству употребление»⁶³.

Она включала средства на военную разведку, подкуп иностранной и отечественной прессы правового направления.

И тем не менее, несмотря на эти все оговорки, введение законодательной выборной Думы стало важнейшим в истории России событием и крупнейшим завоеванием народа, достигнутым в годы первой российской революции. Теперь без одобрения Думы нельзя было принять ни одного закона, вводить новые налоги, новые расходные статьи в государственном бюджете. Если Дума не утверждала бюджет на текущий год, правительство вынуждено было пользоваться прошлогодним бюджетом, что не могло не стеснять его, особенно в части развития вооруженных сил, сильно потрепанных в Русско-японской войне.

2. ОТКРЫТИЕ ПЕРВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

17 октября 1905 г. император Николай II издал Манифест «Об усовершенствовании основ государственного управления». Этот акт был составлен членом Государственного совета князем Алексеем Оболенским и временно управляющим делами Совета министров действительным статским советником Николаем Вцичем. Под руководством председателя Совета министров действительного тайного советника графа Сергея Витте обсуждали проект Манифеста и несколько приближенных императора, но под давлением графа Витте их поправки были отклонены. В Манифесте Николай II объявил: «На обязанности правительства возлагаем мы выполнение непреклонной нашей воли: ... установить, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей»⁶⁴.

---

⁶³ Шацилло К. Ф. Первая Государственная дума // Отечественная история. 1996. N 4. С. 60.

⁶⁴ Цит. по: Демин В. А. Государственная дума России (1906–1917): Механизм функционирования. М., 1996. С. 10.

Одновременно император утвердил всеподданнейший доклад председателя Совета министров, в котором говорилось: «В отношении к будущей Государственной думе заботой правительства должно быть поддержание ее престижа, доверие к ее работам и обеспечение подобающего сему учреждению значения. Правительство не должно явиться элементом противодействия решениям Думы, поскольку эти решения не будут, что невероятно, коренным образом расходиться с величием России, достигнутым тысячелетней ее историей»⁶⁵.

Не подлежит никакому сомнению, что царь действительно намеревался исполнить свои обещания и осуществить программу, основные принципы которой изложены были в Манифесте 17 октября. По желанию царя, новая эра государственной жизни России должна была открыться торжественным образом. Открытие Государственной думы и преобразованного Государственного совета имело место на торжественном приеме всех депутатов обеих палат в Зимнем дворце.

В. Н. Коковцев, принимавший участие в приеме в качестве министра, отмечает в своих воспоминаниях: «Странное впечатление производила в эту минуту тронная Георгиевская зала, и думалось мне, что не видели еще ее стены того зрелища, которое представляла собою толпа собравшихся»⁶⁶.

По правую сторону от трона стояла «мундирская публика», члены Государственного совета, сенаторы, придворные, члены императорской семьи. С левой стороны буквально толпились члены Государственной думы. Лишь немногие из них одеты были во фрак или в сюртук; многие – притом как раз те, которые демонстративно пробились вперед, близко к престолу, – одеты были в рабочую одежду, а за ними стояли крестьяне в самых разнообразных одеяниях, многие в национальных костюмах; немало было и духовных лиц. Впоследствии вдовствующая императрица сказала, что никогда еще не приходилось ей видеть таких «серых батышек»⁶⁷.

Коковцев пишет: "На первом месте среди этой категории народных представителей особенно выдвигалась фигура человека высокого роста, в рабочей блузе, в высоких смазных сапогах, с насмешливым и наглым видом рассматривавшего трон и всех, кто окружал его... Я просто не мог отвести моих глаз от него... таким презрением и злобою дышало это наглое лицо... Столыпин... сказал мне: «Мы с вами, видимо, поглощены одним и тем же впечатлением, меня не оставляет даже все время мысль о том, нет ли у этого человека бомбы и не произойдет ли тут несчастье. Впрочем, я думаю, что этого опасаться не следует – это было бы слишком невыгодно для этих господ – и слишком было бы ясно, что нам делать в создавшейся обстановке»⁶⁸.

Позже императрица-мать говорила Коковцеву о депутатах: «Они смотрели на нас, как на своих врагов, и я не могла отвести глаз от некоторых типов – настолько их лица дышали какую-то непонятную мне ненавистью против нас всех»⁶⁹.

Тронная речь царя полностью соответствовала духу и содержанию Манифеста 17 октября. В краткой и ясной речи этой очень выпукло сформулированы были важнейшие моменты программы нового правительства. П. А. Столыпин утверждал, что Николай II сам сочинил речь и что она являлась сюрпризом и для самого правительства. В этой речи царь обещал охранять непоколебимо установления, им дарованные, и заявил, что установлением нового строя начинается эпоха реформ, эпоха «обновления нравственного облика русской земли и возрождения ее лучших сил»⁷⁰.

---

⁶⁵ Там же, с. 10–11.

⁶⁶ Коковцев В. Н. Из моего прошлого: Воспоминания 1903–1919. В 2 кн. М., 1992. Кн. 1. С. 173.

⁶⁷ Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762–1914 гг. М., 1995. С. 491–492.

⁶⁸ Коковцев В. Н. Указ. соч. С. 173.

⁶⁹ Там же, с. 174.

⁷⁰ Там же, с. 174.

Реформы должны в первую очередь служить делу решения крестьянского вопроса, развитию просвещения и экономического благосостояния. Реформы не должны быть делом одного только правительства: царь призывал народное представительство активно принять участие в проведении в жизнь реформ – «выяснить нужды», что соответствовало принципу законодательной инициативы народного представительства. Царь призывал Божье благословение на труды, предстоящие ему в «единении Государственного совета и Государственной думы»⁷¹.

Он подчеркивал, что основой порядка является право; свобода и право – столпы, на которых зиждется государственный порядок. Маклаков пишет: «Наконец, последняя черта этой речи. Те самые люди, которые были выбраны в Думу, по своему направлению почитались недавно врагами государства, изменниками. Состав Думы вызвал негодование правой печати: у нее не хватало для него бранных эпитетов. А Государь приветствовал „всех лице лучших людей“. Вероятно, он так не думал: он следовал конституционной фикции»⁷².

К 27 апреля 1906 г. в первую Думу избрали 121 земледельца, 21 волостного старшину и волостного писаря, 10 ремесленников, 17 фабричных рабочих, 14 торговцев, 5 фабрикантов и управляющих именьями, 73 земских, городских и дворянских служащих, 16 священников, 14 чиновников, 39 адвокатов, 16 врачей, 7 инженеров, 16 профессоров и приват-доцентов, 3 преподавателей гимназий, 14 сельских учителей, 11 журналистов и 9 лиц неизвестных занятий⁷³.

111 членов Думы до или во время избрания занимали выборные должности по земскому или городскому самоуправлению (председателей и членов земских и городских управ, городских голов и старост, гласных). Можно отметить, что в Думу первого созыва был избран цвет земского либерального движения. Поэтому представляется верным замечание Василия Маклакова, что в первой Думе «большинство было серой, для законодательства не подготовленной массой. Зато в ней было блестящее, далеко поднимавшееся над средним уровнем меньшинство»⁷⁴.

Партия конституционных демократов (кадетов) занимала в Думе руководящее положение: из состава кадетской фракции были избраны председатель, оба заместителя председателя и секретарь, а также руководители 22 постоянных и временных думских комиссий (57 % их членов также были кадетами). «В таком составе Думы и ее руководящих органов с самого начала был потенциально заложен их конфликт с правительством, не имевшим необходимой опоры в лице правых депутатов, тогда как кадеты в общем и целом сумели повести за собой крестьян-трудовиков, значительную часть депутатов от национальных районов и беспартийных, и, фактически, установили в Думе своего рода политическую гегемонию», – отмечает С. В. Тютюкин⁷⁵.

3. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И ПРАВИТЕЛЬСТВО

В соответствии с Основным государственным законом 1906 г. во главе государства стоял император. Он наделялся «верховой самодержавной властью». Его особа объявлялась «священной и неприкосновенной». Императору принадлежала «власть управления во всем ее объеме». При этом император лично осуществлял «верховное управление», а «подчиненное управление» исполняли чиновники и административные органы от его имени и по его повелениям. Верховное управление трактовалось весьма широко. Император издавал, в соответствии с законами, указы «для устройства и приведения в действие различных частей государственных

---

⁷¹ Леонтович В. В. Указ. соч. С. 492–493.

⁷² Цит. по: Леонтович В. В. Указ. соч. С. 493.

⁷³ Демин В. А. Указ. соч. С. 37–38.

⁷⁴ Цит. по: Демин В. А. Указ. соч. С. 38.

⁷⁵ Тютюкин С. В. Июльский политический кризис 1906 года в России. М., 1991. С. 26.

ного управления» и повеления, «необходимые для исполнения законов»⁷⁶. На практике иногда издавались указы, прямо противоречащие законам.

Император назначал председателя Совета министров, главноуправляющих отдельными частями, других чиновников V класса по табели о рангах, в том числе председателя, вице-председателя и половину членов Государственного совета сроком на один год и увольнял чиновников.

Император имел право председательствовать на заседаниях Совета министров, но делал это редко. Он являлся «верховным руководителем внешних сношений... государства», объявлял войну и заключал мирные и иные договоры. Император являлся также «державным вождем российской армии и флота» и в качестве такового командовал ими, определял их устройство, издавал указы о дислокации войск, их обучении, переводе их на военное положение и о «всем вообще, относящемся до устройства вооруженных сил и обороны государства»⁷⁷.

Император определял время ежегодных сессий законодательных палат, что теоретически позволяло ему не созывать палаты 2–3 месяца, распускал Государственную думу и выборную часть Государственного совета. Все Государственные думы, прекратившие существование при монархии, были распущены императором, причем две – через несколько месяцев после начала работы. Лишь третья Дума просуществовала около 5 лет и была распущена из-за того, что в законе не был четко указан срок окончания ее полномочий.

При роспуске император тем же указом должен был назначить новые выборы и дату созыва Думы. При роспуске Госдумы первого созыва не был назначен срок выборов, что послужило формальным поводом Выборгского воззвания. При последующих роспусках срок выборов назначался.

Между роспуском первой Государственной думы и созывом второй прошло свыше 7 месяцев.

В Основном законе имелась знаменитая 87-я статья (первоначально 45-я), гласившая: «Во время прекращения занятий Государственной думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет министров представляет о ней Государю императору непосредственно. Мера эта не может, однако, вносить изменений ни в Основной государственный закон, ни в учреждения Государственного совета и Государственной думы, ни в постановления о выборах в них. Действие такой меры прекращается, если подлежащим министрам или главноуправляющим отдельной частью не будет внесен в Государственную думу соответствующий принятой мере законопроект или его не примут Государственная дума или Государственный совет»⁷⁸.

Эта статья Основного закона вызвала значительные споры. Предлагалось допустить издание чрезвычайных указов лишь между сессиями (в то время как формулировка «во время прекращения занятий» позволяла использовать эту статью и во время кратковременных перерывов во время сессии), однако совещание статс-секретарей Государственной канцелярии сняло это положение. Член Государственного совета Таганцев предлагал снять эту статью. Но граф Витте заметил, что «поставить палку в углу необходимо»⁷⁹.

Предлагали предоставить императору право в чрезвычайных обстоятельствах издавать «указы в видах предотвращения грозящей государству опасности» без какой-либо регламентации этого права. Автор предложения, Дурново, разъяснял, что проектируемая им «статья имеет в виду опасность высшего порядка на тот случай, если придется сказать, что Дума и Гос-

---

⁷⁶ Демин В. А. Указ. соч. С. 61.

⁷⁷ Там же, с. 62.

⁷⁸ Цит. по: Демин В. А. Указ. соч. С. 64.

⁷⁹ Дякин В. С. Чрезвычайно-указное законодательство в России (1906–1914 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1976. Вып. 7. С. 246–248.

совет не существуют. Несомненно, это будет государственный переворот, но его лучше «основать на законе»⁸⁰.

Его поддержал граф Витте, который утверждал, что «во всех государствах бывали такие моменты, когда становился необходимым *coup d'Etat*»⁸¹.

Как показали дальнейшие события, императорскому правительству действительно пришлось для обеспечения нормального управления страной прибегнуть к государственному перевороту.

Эта статья в разное время использовалась по-разному. 60 указов и предложений по ней было издано в 1906–1907 гг., между роспуском первой и созывом второй Думы. Сразу же началось злоупотребление этой статьей. Правительство использовало предусмотренный ею порядок для реализации своей программы, не обращая внимания на чрезвычайность предпринимаемых мер. После созыва второй Думы большинство актов по 87-й статье было внесено в нее.

Нормального сотрудничества Государственной думы первого созыва с императорским правительством не сложилось. Основной причиной этого были неумеренные амбиции депутатов. «Идеалом и лидером Думы был не рабочий парламент, трудящийся над положительным законодательством, а *Assemblée nationale* и имела исторической миссией совершить революцию, а не мирно преобразовать государство»⁸².

Депутаты обладали психологией членов полномочного Учредительного собрания и отождествляли себя с деятелями Великой французской революции. Они не были склонны считаться с ограничением прав Думы по Основному закону. Напротив, они полагали, что «ни о каких уступках старому строю не может быть речи... Все народные требования должны быть удовлетворены безусловно и во всей полноте! Только при этом условии конституция может быть признана и принята народом»⁸³.

Многие депутаты пришли в Думу, чтобы спасти Родину, и были возмущены тем, что им говорят о каких-то пределах власти.

Такой подход был вызван тем, что «весь народ, само интеллигентное общество было воспитано на том же самодержавии и... усвоило его главные недостатки. У него тоже не было уважения к закону и праву, свою победу над старым порядком оно поняло так, что само же теперь выше закона, как раньше было самодержавие... оно думало теперь, что непосредственной воле „народа“ ничто не может противиться». А народ, по мнению видного деятеля трудовой группы первой Думы профессора Тимофея Локтя, полагал, что «воля Думы – воля народа, воля государства»⁸⁴.

К тому же многие депутаты были озлоблены обысками, разгонами собраний с их участием и другими репрессивными акциями власти.

Первое крупное столкновение Думы с правительством произошло 5 мая по вопросу об «Ответном адресе» на речь, произнесенную царем 27 апреля в Зимнем дворце на церемонии встречи с «народными избранниками». Хотя и в несколько урезанном виде, кадеты включили в этот документ основные пункты своей программы. Среди них были: создание ответственного перед Думой правительства, отмена особого полицейского режима, на котором находились многие районы страны, упразднение Государственного совета, введение всеобщего избирательного права и демократических свобод, установление полного гражданского равноправия, отмена смертной казни, всеобщее бесплатное начальное обучение, реформа органов местного управления и самоуправления, «укрепление в армии и флоте начал справедливости», решение

---

⁸⁰ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 293.

⁸¹ Государственный переворот (фр.).

⁸² Цит. по: Демин В. А. Указ. соч. С. 73.

⁸³ Там же, с. 73.

⁸⁴ Демин В. А. Указ. соч. С. 74.

аграрного вопроса на основе кадетской программы принудительного отчуждения части помещичьих земель, ограждение интересов рабочего класса, амнистия.

Почти единодушное одобрение Думой кадетского проекта «Ответного адреса» правительство и высшие сферы восприняли как прямой вызов. Царь демонстративно отказался принять делегацию депутатов Думы, которая должна была лично передать ему этот документ, а в «Правительственном Вестнике» началась публикация телеграмм монархических организаций с требованием роспуска первого российского парламента.

Однако это было еще лишь самым началом конфликта. Беседа 6 мая во время завтрака у царя в Петергофе с военным министром А. Ф. Редигером, председатель Думы кадет С. А. Муромцев сказал ему, что Дума «готова уважать сильное правительство, которое твердо и с убеждением будет проводить свои взгляды»⁸⁵. Муромцев высказал также мнение, что парламент нужно поскорее занять конкретной работой, и тогда он быстрее дифференцируется на партийные фракции, с которыми правительству легче будет иметь дело. Редигер немедленно сообщил об этом разговоре премьер-министру И. Л. Горемыкину, но тот явно не торопился воспользоваться советом думского лидера.

Ситуацию усугубляла также неготовность императорского правительства к созыву Государственной думы: накануне этого события был сменен Кабинет министров, и новые члены правительства еще не вошли в курс дела. Поэтому, хотя император еще в сентябре 1905 г. предписал министрам «озаботиться, чтобы Государственная дума, как только она соберется, могла немедленно приступить к обсуждению и разработке законопроектов, имеющих общегосударственное значение»⁸⁶, в нее первоначально не было внесено никаких правительственных законопроектов, а потом внесли 2 весьма мало важных, что было сочтено депутатами, собравшимися радикально изменить Россию, издевательством, хотя министры отнюдь не имели это в виду.

Прошла всего неделя, и в Таврическом дворце разразился новый скандал, связанный теперь уже с ответом правительства на адрес Думы. Правительственная декларация, оглашенная 13 мая 1906 года председателем Совета министров И. Л. Горемыкиным, носила подчеркнуто агрессивный характер. В этом проявились и общий курс внутренней политики правительства после подавления декабрьских вооруженных восстаний в стране, и нескрываемое раздражение царя и камарилы, вызванное «Ответным адресом» Думы, и личная антипатия Горемыкина к «народным избранникам», треть из которых, по его мнению, «просилась на виселицу»⁸⁷.

Поэтому неудивительно, что правительственная декларация вызвала нескрываемое разочарование, раздражение и протест депутатов Думы. Как заявил депутат от тамбовских крестьян-трудовик И. Т. Лосев, «листок», оглашенный Горемыкиным с думской трибуны, «помutil глаза и сердца крестьян». Кадет Ф. И. Родичев выразил глубокое разочарование по поводу того, что «вместо сотрудничества мы встречаем со стороны власти отпор», а его товарищ по партии «Народной свободы» В. Д. Набоков торжественно провозгласил: «Исполнительная власть да покорится власти законодательной»⁸⁸.

В итоге кадеты проголосовали за «трудовическую» резолюцию, в которой выражалось «полное недоверие к безответственному перед народным представительством министерству»⁸⁹ и выдвигалось требование заметить его правительством, пользующимся доверием Государ-

---

⁸⁵ Тютюкин С. В. Указ. соч. С. 29.

⁸⁶ Цит. по: Демин В. А. Указ. соч. С. 74.

⁸⁷ Тютюкин С. В. Указ. соч. С. 29.

⁸⁸ Там же, с. 31.

⁸⁹ Там же, с. 31.

ственной Думы. Заметим, что требование отставки правительства Горемыкина выдвигалось в Думе и позже.

Между тем ни закон, ни практика не предписывали ему уходить в таком случае в отставку. Правительство и не ушло. Это вызвало возмущение в Думе. Очевидно, что правительство не сможет длительное время управлять страной при отрицательно к нему относящейся законодательной власти: она будет отклонять законопроекты, необходимые для проведения в жизнь курса правительства. Однако такой путь свержения кабинета требовал времени. Думцы ждать не хотели и начали бороться с министрами методом площадной брани. Их и их представителей встречали в Думе криками: «В отставку!», «Погромщики!», «Убийца!», «Палач!», «Вон его!», «Разбойник!», «Долой!» и т. п. А представителю военного министра генерал-лейтенанту Павлову путем обструкции не дали говорить. Предлагалось не давать министрам слова и даже предъявить им запрос: «Скоро ли они уйдут?». Лидер одной из крупнейших фракций Алексей Аладьин даже угрожал министрам физической расправой в Думе. Такое обращение подрывало престиж министров в общественном мнении. Министры терпели подобное обращение лишь из-за страха перед революцией, которая, однако, к этому времени была в основном подавлена⁹⁰.

По рекомендации Горемыкина члены кабинета перестали посещать Таврический дворец, а 28 мая министр народного просвещения Кауфман как бы в насмешку направил в думу два «вермишельных» законопроекта: об учреждении частных курсов с программой преподавания «выше средних учебных заведений и об отпуске средств на переоборудование пальмовой оранжереи и постройку прачечной при Юрьевском университете»⁹¹.

Законодательная инициатива самой Думы была ограничена. Достаточно сказать, что кадеты считали большой победой уже одну только возможность предварительного выяснения в Думе сущности внесенного законопроекта до истечения месячного срока, в течение которого он должен был рассматриваться соответствующим министром. Не будь этой уловки, придуманной кадетскими юристами, Думу ждала бы настоящая стагнация, ибо министры, получив соответствующий запрос, отнюдь не торопились санкционировать его обсуждение в Думе. За все время работы ею был принят, прошел Государственный совет и был подписан царем лишь один закон – об ассигновании 15 млн рублей на помощь голодающим. Почти три десятка других законопроектов так и остались в ее комиссиях, а законопроект об отмене смертной казни, принятый Думой 19 июня, был отклонен Государственным советом.

30 мая 1906 г. П. Н. Милуков опубликовал в газете «Речь» – печатный орган кадетов – статью «Первый месяц думской работы», где со ссылками на печать различных политических направлений сделал попытку оценить сложившуюся ситуацию. Старый режим, писал Милуков, не только не исчез, но еще сильнее, чем прежде, дает о себе знать смертными казнями, ссылками, арестами, военными судами. С другой стороны, народ волнуется тоже еще больше, чем раньше: вновь началось и грозит усилиться аграрное движение, появились признаки революционного брожения в армии, растет число террористических актов, хотя формально партия эсеров и вынесла решение об их приостановке⁹².

Что может противопоставить этому Дума? – спрашивал Милуков. Ведь она вносит законопроекты, судьба которых неизвестна; выражает недоверие правительству, на которое не обращают внимания; назначает комиссии для расследования злоупотреблений царских властей, не располагая средствами привлечь их к ответу; вносит запросы, на которые отвечают канцелярскими отписками; направляет к верховной власти ходатайства, на которые вообще нет ответа. Что же делать Думе дальше? Обращаться с просьбами прямо к царю? Уйти и отдать

---

⁹⁰ Демин В. А. Указ. соч. С. 74.

⁹¹ Тютюкин С. В. Указ. соч. С. 33.

⁹² Там же, с. 35.

решение всех вопросов непосредственно в руки народа? Объявить себя правительством и взять все в свои собственные руки? Пассивно ждать развития событий или создавать их самим? Как видим, альтернативные решения намечены здесь довольно верно, однако сделать выбор кадеты так и не решились, склонившись в конце концов к тактике пассивного выжидания. Недаром Милюков заканчивал статью успокоительным прогнозом: скоро, очень скоро положение может стать безвыходным, но пока оно еще не безвыходно. На этой оптимистической позиции кадеты, как известно, оставались вплоть до 9 июля 1906 г.⁹³

Коллега Милюкова по кадетскому ЦК Н. А. Гредескул откровенно писал 5 июня: «Наша цель – исчерпать все мирные средства, во-первых, потому что если мирный исход возможен, то мы не должны его упустить, а во-вторых, если он невозможен, то в этом надо вполне и до конца убедить народ до самого последнего мужика»⁹⁴.

Перлюстрированные полицией письма, датированные первой декадой июня 1906 г., обнаруживают очень пеструю, но достаточно тревожную гамму настроений, царивших тогда в самых разных кругах общества. Так, директор ярославской гимназии Высотский писал 1 июня: «Свои мрачные предчувствия я строю не на угрозах представителей крайних партий, а на несомненных грозных фактах, сведениями о которых полны газеты. Упорное нежелание министерства хоть сколько-нибудь идти навстречу освободительному движению есть положительный факт, невозможность для Думы добиться удовлетворения своих желаний и провести свои законопроекты – тоже факт... Приговоры военных судов и расстрелы, с одной стороны, бомбы и политические убийства – с другой, не прекращаются. Заявления черносотенных союзов и резолюции революционных организаций накапливаются в изобилии. Нет возможности выйти из всего этого хаоса мирным путем. Деятельность провинциальных властей возмутительна до последней степени. Добром ничего от правительства не добьешься. Я не вижу возможности компромисса с людьми, которые ничего не хотят знать и понимать. Правительство само парализует все легальные пути, само толкает своих противников на революционный путь»⁹⁵.

Один из представителей консервативно-монархического лагеря писал 3 июня за границу: "Дума не внесла успокоения в общественную совесть и показала только, что мы, русские, много говорим и мало делаем. Со дня на день ждем беспорядков и проповедь вооруженного восстания все громче раздается во всяких жидовствующих газетах: «Россия теперь – громадный дом сумасшедших. Просто страшно жить». В другом письме высказывалось предположение, что восстанием в конце июня будут охвачены и город, и деревня. «Либералы ведут к анархии, крови. Я никак не могу решить, где будет безопаснее – в деревне или в городе. Думаю, что придется остаться в городе, т. к. здесь все же войско, которое, слава Богу, до сих пор еще верно долгу и присяге»⁹⁶.

4. ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОГО ПЕРЕД ДУМОЙ МИНИСТЕРСТВА

Таким образом, именно из создавшегося положения вытекала необходимость распустить Думу как можно скорее; а если не делать этого, то надо было сформировать правительство из думского большинства, т. е. собственно из кадетов. В правительственных кругах рассматривались обе возможности. Тогдашний дворцовый комендант Д. Ф. Трепов, человек в высшей степени влиятельный, считал желательным сформировать правительство из членов думского большинства или, по крайней мере, предоставить им важнейшие министерские посты, и об

---

⁹³ Там же, с. 35.

⁹⁴ Там же, с. 35.

⁹⁵ Там же, с. 35–36.

⁹⁶ Там же, с. 36.

этом вел переговоры с Милюковым. Напротив, В. Н. Коковцев и П. А. Столыпин эту идею отклоняли. (Столыпин был в то время министром внутренних дел в кабинете Горемыкина).

На вопрос царя, "что же нужно делать, чтобы положить предел тому, что творится в Думе, и направить ее работу на мирный путь, Коковцев отвечал: «Политическая партия, из которой неведомый мне автор предполагает сформировать новое правительство (конституционно-демократическая партия), в своем стремлении захватить власть слишком много наобещала крайним левым элементам и слишком явно попала уже в зависимость от них... она сама будет сметена этими элементами, и я не вижу, на чем и где можно остановиться. Я вижу без всяких прикрас надвигающийся призрак революции...»⁹⁷.

Почти все советники царя были с Коковцевым одного мнения, и мысль о кадетском правительстве вскоре отбросили. «Николай II заверил своего взволнованного министра финансов, что никогда не совершит „этот скачок в неизвестность“, т. е. никогда не согласится на министерство, где председателем Совета министров будет председатель Думы С. А. Муромцев, министром внутренних дел – И. И. Петрункевич, а министром финансов – М. Я. Герценштейн», – члены кадетской партии⁹⁸.

Наоборот, положительно принята была идея составить правительство, которое хотя и не будет состоять из представителей думского большинства, однако будет таким, что Дума все же станет с ним сотрудничать. Иными словами, еще существовало намерение добиться соглашения между народным представительством и государственной властью. Такое правительство называли «коалиционным», поскольку в него должны были войти как либеральные чиновники, так и умеренные представители общественности, в том числе и члены думской кадетской фракции. Инициатива исходила от обеих сторон. Со стороны правительства решение это предложено было министром иностранных дел А. П. Извольским. Со стороны Думы князь Н. Н. Львов представил сходную докладную записку. Столыпин принял эту идею, царь тоже одобрил ее.

Несомненно, с его ведома министры вступили в переговоры с многочисленными представителями общественности. Во главе этого коалиционного правительства по плану должен был стать Д. Н. Шипов. Но он сам не верил в осуществимость этого плана. «Мне представляется несомненным, – говорил он Столыпину, – что если в образованный мною кабинет мне удастся привлечь только своих единомышленников, как, например, графа Гейдена и князя Львова, то такой кабинет встретит в Государственной думе такое же отношение, как и кабинет И. Л. Горемыкина, причем новый кабинет, конечно, не может искать поддержки в традициях старого слоя и будет поставлен в необходимость в самом скором времени, при неизбежном столкновении с Думой, подать в отставку»⁹⁹.

Переговоры о создании «коалиционного» министерства и чисто «кадетского» велись практически параллельно. По второму вопросу, как указывалось, с лидером партии конституционных демократов договаривался Д. Ф. Трепов. "Наше свидание состоялось в ресторане «Кюба», – пишет П. Н. Милюков, – и этим рестораном меня потом долго травили всеведущие газетчики. Свидание протекало в очень любезных тонах. Я из нас двоих был гораздо больше настороже. Трепов прямо приступил к теме, предложив мне участвовать в составлении «министерства доверия». Я прежде всего ответил ему тем, что мне приходилось часто повторять в эти месяцы – и устно, и печатно. Я сказал ему, что теперь нельзя выбирать лиц; надо выбирать направления. «Нельзя входить в приватные переговоры и выбирать из готовой программы то, что нравится, отбрасывая то, что не подходит. Надо брать живое, как оно есть – или не брать его вовсе... Обмануть тут нельзя; кто пытался бы это сделать, обманул бы только самого себя...

---

⁹⁷ Коковцев В. Н. Указ. соч. С. 199.

⁹⁸ Аврех А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 19.

⁹⁹ Цит. по: Леонтович В. В. Указ. соч. С. 500.

Дело не во внешней реабилитации власти, при сохранении ее внутренней сущности; дело в решительной и бесповоротной перемене всего курса»¹⁰⁰.

Трепов, выслушав программу предполагаемого «кадетского» министерства, изложенную Милюковым, обещал содействовать. Но царь, говоря о Трепове и его переговорах, намекал на людей, которые «несколько наивны в понимании государственных дел, но добросовестно ищут выхода из трудного положения». И, с легкой руки Трепова, беседы об ответственном министерстве, уже по прямому поручению Государя, были переданы в менее «дилетантские руки», т. е. П. А. Столыпину¹⁰¹.

Отличие от Трепова, Столыпин вел речь с Милюковым о возможности создания только коалиционного кабинета, т. е. правительства, составленного из царских бюрократов и общественных деятелей. Переговоры шли с участием А. П. Извольского, «обиняками Столыпин скоро выяснил, что участие Извольского в будущем министерстве возможно, а участие его, Столыпина, как премьера или министра внутренних дел, безусловно, исключено. Я помню его иронические вопросы, – вспоминал Милюков: понимаю ли я, что министр внутренних дел есть в то же время и шеф жандармов, следовательно, заведует функциями, непривычными для кадетов? Я ответил, тоже полуиронически, что элементарные функции власти прекрасно известны кадетам, но характер выполнения этих функций может быть различен сравнительно с существующим, в зависимости от общего направления правительственной деятельности. Я прибавил при этом, что о поведении кадетов в правительстве не следует судить по их роли в оппозиции»¹⁰².

П. Н. Милюков на предложения о создании коалиционного правительства ответил отказом, чем очень обрадовал П. А. Столыпина и «успокоил» царя Николая II. «Я могу сказать вам теперь, – откровенничал император, – что я никогда не имел в виду пускаться в неизвестную для меня даль, которую мне советовали испробовать. Я не оказал этого тем, кто мне предложил эту мысль, – конечно, с наилучшими намерениями, и хотел проверить свои собственные мысли. То, что вы мне сказали, сказали также почти все, с кем я говорил за это время, и теперь у меня нет более никаких колебаний – да их и не было на самом деле, потому что я не имею права отказаться от того, что мне завещано моими предками и что я должен передать в сохранности моему сыну»¹⁰³.

5. РОСПУСК ПЕРВОЙ ДУМЫ

В кругах буржуазной общественности все чаще говорили об альтернативе: свержение кабинета Горемыкина или разгон Думы. И то, и другое, считал, например, лидер октябристов А. И. Гучков, должно было стать величайшим потрясением для страны... «В первом случае, – писал он, – получим анархию, которая приведет нас к диктатуре; во втором случае – диктатуру, которая приведет к анархии. Как видите, положение, на мой взгляд, совершенно безвыходное. В кружках, в которых приходится вращаться, такая преступная апатия, что иногда действительно думаешь, да уж не созрели ли мы для того, чтобы нас проглотил пролетариат?»¹⁰⁴

В мае-начале июня 1906 г. слухи о предстоящем роспуске Думы, как волны морского прибоя, периодически набегали на страницы печати, носились в разгоряченных думских кулуарах. Так, уже 14 мая 1906 г. трудовик-саратовец Я. Е. Дитц писал на родину: «Завтра ждем разгона. Но нас отсюда не выпустят: если разгонят, то завтра же ожидается железнодорожная

---

¹⁰⁰ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 377.

¹⁰¹ Там же, с. 379.

¹⁰² Милюков П. Н. Указ. соч. С. 384.

¹⁰³ Там же, с. 386.

¹⁰⁴ Тютюкин С. В. Указ. соч. С. 39.

забастовка, и мы перед уходом из Петербурга издадим Манифест к народу... Будьте готовы на все... Если эти подлецы не желают давать народу свободу мирным путем, то она будет добыта силой»¹⁰⁵.

2 июня сельский учитель из Смоленской губернии трудовик Т. О. Волков тоже сообщал о предполагаемом буквально на днях разгоне Думы. «Хотя бы скорее, а то все измучились. Скорее бы рассчитались с этим режимом. Если не арестуют, решено собраться в другом городе и объявить себя Учредительным собранием. Многие уже подумывают, что вместо Конституции не получилась бы сразу республика. И это вполне возможно, если правительство не пойдет на уступки». Через три дня, 5 июня, тот же Т. О. Волков пишет на родину: «Положение дел в Думе самое скверное. Правительство ввиду оппозиционности Думы решило ее распустить на днях. В партийных заседаниях этот вопрос обсуждался, и пришли к заключению не расходиться, пока не добудут земли и воли. Вера сделать что-либо хорошее и в самой Думе исчезает. Революция неизбежна. Левые партии уже готовятся вступить в бой. Будет сильное кровопролитие. Из достоверных источников известно, что бумага о распусчении думы уже подписана Государем, только не поставлено число – это последнее предложено сделать министерству, когда оно найдет удобным. Необходимо готовиться на местах, чтобы в известную минуту всем вступить в бой с правительством и добить его окончательно. Брожение в армии уже началось. Надеемся, что когда встанет вся страна, то и армия перейдет на нашу сторону»¹⁰⁶.

Дело дошло до того, что 6 июня Петербургское телеграфное агентство вынуждено было официально опровергнуть слух о том, что 4 июня царь якобы подписал указ о роспуске Думы. Как явствует из письма кадета М. Я. Герценштейна от 5 июня, премьер Горемыкин тоже заявил в ответ на вопросы членов Государственного совета, что мысль о роспуске Думы даже на каникулы оставлена. Ему следовало бы добавить: оставлена на время, но об этом Горемыкин предпочел умолчать.

Когда был отклонен план создания кадетского правительства, пришлось решиться на роспуск Думы. Горемыкин с самого начала считал это мероприятие неизбежным, однако вел себя в высшей степени пассивно, выжидая прямого приказа Николая. Глава правительства проклинал своего предшественника С. Ю. Витте, который собрал не палату депутатов, а «грязных подонков населения, сплотившихся в разбойничью шайку». «Теперь, – говорил Горемыкин в начале июня 1906 г., – не остается ничего другого, как распустить Думу, затем созвать ее вновь, повлияв всеми возможными средствами на выборы, а если и это не поможет, то вновь распустить Думу и издать новый избирательный закон»¹⁰⁷.

Царь же считал, что как раз правительству надлежит выбрать подходящий момент для роспуска Думы и предпринять нужные шаги для гладкого его выполнения. Очевидно, это стало непосредственной причиной ухода Горемыкина и назначения Столыпина на пост председателя Совета министров.

П. А. Столыпин сначала придерживался мнения, что не надо спешить с роспуском Думы, но на основании губернаторских докладов он пришел к выводу, что ждать дольше нельзя, и так и доложил царю.

7 июня 1906 г. созвано было у Горемыкина заседание Совета министров. Собравшиеся министры узнали только, что Горемыкин у Государя и приедет позже. В девять часов сияющий Горемыкин вошел в помещение, где ожидали его министры, и заявил: «Ну вот! Поздравьте меня, господа, с величайшею милостью, которую мог мне оказать Государь: я освобожден от

---

¹⁰⁵ Там же, с. 39.

¹⁰⁶ Там же, с. 39–40.

¹⁰⁷ Цит. по: Тютюкин С. В. Указ. соч. С. 40.

должности председателя Совета министров и на мое место назначен П. А. Столыпин, с сохранением, разумеется, должности министра внутренних дел»¹⁰⁸.

В. Н. Коковцев в своих воспоминаниях соединяет в одну красочную сцену подписание указа о роспуске Думы и указа о назначении Столыпина главой правительства. Особый интерес представляют приведенные в этих воспоминаниях высказывания Николая II в столь важный исторический момент: «Все мы, и я в первую очередь, – сказал царь, – понесем ответственность за нашу слабость и нерешительность. Бог знает, что произойдет, если не распустить этого очага призыва к бунту, неповиновения властям, издевательства... и нескрываемого стремления вырвать власть из рук правительства, которое назначено мною, и захватить ее в свои руки, чтобы тотчас же лишить меня всякой власти и обратить в послушное орудие своих стремлений, а при малейшем несогласии моем просто устранить и меня... Я обязан перед моей совестью, перед Богом и перед Родиной бороться и лучше погибнуть, нежели без сопротивления сдать всю власть тем, кто протягивает к ней свои руки»¹⁰⁹.

Затем Николай II перекрестил Столыпина, обнял, поцеловал его и спросил, когда и какие сделать распоряжения для поддержания порядка в Петербурге и Москве.

Указ о роспуске Думы гласил: «На основании статьи 105 Основного государственного закона издания 1906 года повелеваем: Государственную думу распустить с назначением времени созыва вновь избранной Думы на 20-е февраля 1907 года. О времени производства новых выборов в Государственную думу последует от нас особый указ. Правительственный сенат учинит к исполнению сего подлежащее распоряжение. Николай II»¹¹⁰.

В ночь с 8 на 9 июня 1906 г. указ о роспуске Думы был прибит на дверях Таврического дворца, где заседал первый русский парламент, и опубликован в утреннем выпуске «Правительственного Вестника».

Характерна запись, сделанная Николаем II в дневнике 9 июня: «Свершилось! Дума сегодня закрыта. За завтраком после обедни заметны были у многих вытянувшиеся лица. Днем составлялся и переписывался Манифест на завтра. Подписал его около 6 часов»¹¹¹.

10 июля царским указом была приостановлена до 20 февраля 1907 г. и работа Государственного совета.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первая Государственная дума отошла в историю. История не сказала о ней последнего слова: слишком были различны интересы и идеи, с нею связанные. По сравнению с тем, что было в России до 1905 г., Дума представляла собой несомненный шаг вперед. Бессильная как законодательный орган, она постоянно будоражила, а во многом и формировала общественное мнение, предавала гласности наиболее вопиющие злоупотребления царских властей. Сюда же стекались со всей России многочисленные просьбы и петиции населения. Бесспорно, «таврический комар», как иронически называли Думу в консервативных кругах, не мог всерьез соперничать ни с самодержавным «слоном», ни с народной «улицей», которые олицетворяли две главные силы, непосредственно столкнувшиеся в ходе революции. Тем не менее Дума не стала послушным орудием в руках царя и правительства. Сея конституционные иллюзии и давая царизму некоторую передышку для накопления сил, необходимых в открытой борьбе с народом, она в то же время мешала стабилизации старого порядка и в своем тогдашнем составе объективно приносила царизму больше вреда, чем пользы.

---

¹⁰⁸ Леонтович В. В. Указ. соч. С. 502.

¹⁰⁹ Коковцев В. Н. Указ. соч. С. 213–215.

¹¹⁰ Цит. по: Тютюкин С. В. Указ. соч. С. 51.

¹¹¹ Там же, с. 53.

72 дня, которые отпустила история российскому парламенту, не прошли даром. С думской трибуны в Таврическом дворце прозвучал голос самых разных слоев народа и политических партий. Депутаты-первостепенцы открыто заявили о животрепещущих экономических, социальных и политических вопросах, стоявших в то время перед Россией, предложили альтернативные варианты их решения, выработали определенную процедуру думских прений и запросов. При этом роль Думы представлялась различным слоям российского общества по-разному: если для одних она стала символом бессмысленности любых надежд на эффективность парламентской системы в условиях России, то для других – необходимым, желанным и в принципе вполне реальным атрибутом будущего правового государства.

7. ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Шацлло К. Ф. Первая Государственная дума // Отечественная история. 1996. N 4.
2. Демин В. А. Государственная дума России (1906–1917): Механизм функционирования. М., 1996.
3. Коковцев В. Н. Из моего прошлого: Воспоминания 1903–1919. В 2-х кн. М., 1992.
4. Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762–1914 гг. М., 1995.
5. Тютюкин С. В. Июльский политический кризис 1906 года в России. М., 1991.
6. Дякин В. С. Чрезвычайно-указное законодательство в России (1906–1914 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1976. Вып. 7.
7. Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3.
8. Аврех А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991.
9. Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. I.

ТЕМА 7. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В 1907–1914 гг

РЕФЕРАТ: «ВЕЛИКАЯ РОССИЯ БЕЗ ВЕЛИКИХ ПОТряСЕНИЙ (РЕФОРМЫ П. А. СТОЛЫПИНА)»

ПЛАН

1. Введение
2. Аграрная реформа
3. Другие реформы
4. Заключение
5. Использованная литература

1. ВВЕДЕНИЕ

Сильная личность в истории всегда вызывала и вызывает большой интерес. Такой личностью был П. А. Столыпин. В последнее десятилетие, пожалуй, ни одна личность не удостоивалась такого внимания, как личность Столыпина. Это объясняется во многом тем, что, отмежевываясь от советского прошлого, мы ищем новых кумиров в предшествующем периоде.

Дореволюционная Россия была страной аграрной, вот почему любые преобразования в сельскохозяйственной сфере вызывали волну откликов с разных сторон. Столыпин же задумал

провести крупнейшую, после отмены крепостного права, реформу в аграрной сфере и, естественно, вызвал этим бурю эмоций. Сегодня фигура Столыпина вызывает не меньший интерес. Россия в очередной раз находится на пути реформ и не знает, как выйти из тупика, вызванного ими. Естественно, ищутся какие-то параллели с прошлым. Недавно в Саратове, где Столыпин около трех лет губернаторствовал, был открыт первый в России памятник П. А. Столыпину. Это событие опять вызвало массу различных мнений. Так что же из себя представляли реформы, проводимые П. А. Столыпиным? Почему главная из них – аграрная – окончилась неудачей? Ответам на эти вопросы и посвящен данный реферат.

Имя Столыпина сразу втягивает нас в круговорот страстных взаимоисключающих оценок. Ни один из политических деятелей царизма начала XX в. не может идти с ним в сравнение по преданной и восторженной памяти его почитателей и сосредоточенной ненависти революционеров. «Период столыпинской реакции», виселицы – «столыпинские галстуки», с одной стороны, и «борец за благо России», человек, «достойный сесть на царский трон» – с другой. Карьера длилась всего лишь пять лет. Это был взлет после многолетней обычной службы в провинции, стремительное превращение из саратовского губернатора в министра внутренних дел и председателя Совета министров – в государственную фигуру с огромной властью, грандиозными планами, российского Бисмарка. Вся его деятельность – это органическое сочетание трагедии и фарса, придворных интриг и высокой политики.

Данный реферат – всего лишь маленькая толика в большом количестве исследований, посвященных жизни и деятельности П. А. Столыпина. При написании реферата было использовано много фактического материала и воспоминаний. Особенно ценными можно считать воспоминания сына П. А. Столыпина – А. П. Столыпина, написанные им в конце 20-х гг. в Париже.

2. АГРАРНАЯ РЕФОРМА

Самой главной реформой из всех, которые проводил П. А. Столыпин, можно считать аграрную. Собственно, все действия П. А. Столыпина на посту премьер-министра были подчинены воплощению в жизнь именно этой реформы.

Еще в самом начале своей карьеры, когда Столыпин был только ковенским уездным предводителем дворянства, он раз в год объезжал свои имения, которые находились у него в Нижегородской, Казанской, Пензенской и Саратовской губерниях¹¹². У Столыпина было и еще одно имение, на границе с Германией. Дороги российские всегда были плохи, а потому самый удобный путь в это имение пролегал через Пруссию. Именно в этих «заграничных» путешествиях Столыпин познакомился с хуторами. Возвращаясь домой, он с восхищением рассказывал об образцовых немецких хуторах.

В 1899 г. Столыпин был назначен ковенским губернским предводителем дворянства, а в 1902 г., неожиданно для себя, – гродненским губернатором. Его выдвинул министр внутренних дел В. К. Плеве, старавшийся замещать губернаторские должности местными землевладельцами. В Гродно Столыпин пробыл всего 10 месяцев¹¹³. В это время по всем губерниям были созданы комитеты по нуждам сельскохозяйственной промышленности. Председательствуя на заседаниях Гродненского комитета, Столыпин впервые публично изложил свои взгляды.

16 июля 1902 г., открывая заседание комитета, Столыпин перечислил те факторы, которые он считал первостепенными в деле подъема сельского хозяйства. Среди них на первое место он поставил уничтожение чересполосицы крестьянских земель и расселение крестьян на хутора. При этом губернатор подчеркнул, что не следует цепляться за «установившиеся,

---

¹¹² Зырянов П. Н. Столыпин без легенд. М., 1991. С. 7.

¹¹³ Там же, с. 7–8.

веками освященные способы правопользования землею, раз эти способы ведут к сохранению хотя бы, например, трехпольной системы хозяйства, т. к. они выразятся в конце концов экономическим крахом и полным разорением страны». Вслед за этими прекрасными словами последовала еще одна тирада, которая, как казалось Столыпину, логически была связана с предыдущей... «Ставить в зависимость от доброй воли крестьян момент наступления ожидаемой реформы, рассчитывать, что при подъеме умственного развития населения, которое настанет неизвестно когда, жгучие вопросы разрешатся сами собой, – это значит отложить на неопределенное время проведение тех мероприятий, без которых немислимы ни культура, ни подъем доходности земли, ни спокойное владение земельною собственностью»¹¹⁴. Иными словами, народ темен, пользы своей не понимает, а потому следует улучшать его быт, не спрашивая о том его мнения. Это убеждение Столыпин пронес через всю свою государственную деятельность.

Важным фактором подъема земледелия Столыпин считал также развитие мелиоративного кредита (так назывался кредит на всякие сельскохозяйственные улучшения). Он был против излишней централизации этого дела, считая, что на местах люди лучше разберутся, какие виды улучшений наиболее перспективны в данной местности.

Один из помещиков, князь А. К. Святополк-Четвертинский, позволил себе высказать такую мысль: «Для работника в имениях или крестьянина, обрабатывающего свою землю, нужен физический труд и способность к нему, а не образование. Образование должно быть доступно обеспеченным классам, но не массе, нравственные взгляды которой таковы, что с расширением доступа в школы она, несомненно, будет стремиться к государственному перевороту, социальной революции и анархии»¹¹⁵. Столыпин сразу же возразил: «Бояться грамоты и просвещения, бояться света нельзя. Образование народа, правильно и разумно поставленное, никогда не поведет его к анархии. Общее образование в Германии должно служить идеалом для многих культурных стран»¹¹⁶. Особое внимание Столыпин советовал уделить подтягиванию женского образования и насаждению сельскохозяйственных знаний.

Некоторые члены комитета подняли вопрос о реформе волости и введении земств в западных губерниях, но Столыпин решительно пресек попытки начать обсуждение этих тем. Он заявил, что «вопросы о нуждах сельскохозяйственной промышленности с вопросом о введении земской реформы не имеют тесной, непосредственной и, так сказать, органической связи». Губернатор предупредил, что «всякий вопрос, связанный с политическими соображениями, им, по праву председателя, будет снят с очереди»¹¹⁷. Стараясь поставить работу комитета в жесткие ограниченные рамки, Столыпин выполнял волю своего патрона, министра внутренних дел В. К. Плеве. Однако, по-видимому, он и сам в те времена смотрел на аграрный вопрос весьма узко. В дальнейшем, как мы увидим, Столыпин признал проблемы местного самоуправления и крестьянских прав частью аграрного вопроса.

В 1903 г. Столыпин был назначен губернатором Саратовской губернии, где ощутил на себе все прелести крестьянских бунтов. Показал он себя и мастером по их подавлению, причем действовал очень хладнокровно. Один из почитателей Столыпина, В. В. Шульгин, например, писал, как однажды губернатор оказался без охраны перед лицом взволнованного схода, и «дюжий парень пошел на него с дубиной. Не растерявшись, Столыпин бросил ему шинель: „Подержи!“ – и буян опешил, послушно подхватил шинель и выронил дубину»¹¹⁸.

В докладах царю Столыпин утверждал, что главной причиной аграрных беспорядков является стремление крестьян получить землю в собственность. Если крестьяне станут мел-

---

¹¹⁴ Столыпин А. П. А. Столыпин. 1862–1911. М., 1991. С. 13.

¹¹⁵ Столыпин: жизнь и смерть. Саратов, 1991. С. 38.

¹¹⁶ Там же, с. 38.

¹¹⁷ Там же, с. 40.

¹¹⁸ Шульгин В. В. Глава из книги «Годы» // История СССР. 1966. N 6. С. 26–35.

кими собственниками, они перестанут бунтовать. Кроме того, он ставил вопрос о передаче крестьянам части государственных земель¹¹⁹.

Вряд ли, однако, эти доклады сыграли важную роль в выдвижении Столыпина на пост министра внутренних дел. Молодой губернатор, малоизвестный в столице, неожиданно взлетел на ключевой в российской администрации пост. Какие пружины при этом действовали, до сих пор недостаточно ясно. Впервые его кандидатура обсуждалась в октябре 1905 г. на совещании С. Ю. Витте с «общественными деятелями». Обер-прокурор Синода князь А. Д. Оболенский, родственник Столыпина, предложил его на пост министра внутренних дел, стараясь вывести переговоры из тупика. Но Витте не хотел видеть на этом посту никого другого, кроме П. Н. Дурново, общественные же деятели мало, что знали о Столыпине¹²⁰.

Вторично вопрос о Столыпине встал в апреле 1906 г. когда уходило в отставку правительство Витте. Замена непосредственно перед созывом Думы либерального премьера Витте на реакционного И. Л. Горемыкина была вызовом общественному мнению. И чтобы вместе с тем его озадачить, было решено заменить прямолинейного карателя Дурново на более либерального министра. Выбор пал на Столыпина. «Достигнув власти без труда и борьбы, силою одной лишь удачи и родственных связей, Столыпин всю свою недолгую, но блестящую карьеру чувствовал над собой попечительную руку Провидения», – вспоминал товарищ министра внутренних дел С. Е. Крыжановский¹²¹.

Столыпин был назначен министром внутренних дел 26 апреля 1906 г. Депутаты первой Думы были приняты царем, обратившимся к ним с речью в Зимнем дворце на другой день – 27 апреля¹²². Однозначно, что Столыпин получил свой пост именно под Думу, в том смысле, что ему было доверено проложить политический курс в новых, совершенно непривычных для царизма исторических условиях – обеспечить сожительство дотоле ничем не стесненного самодержавия с Думой. То, что Столыпин начал свой «конституционный» путь в ранге не главы правительства, а всего лишь министра внутренних дел, никого не обманывало. Во-первых, министерство, которое он возглавил, было ключевым, ибо именно оно определяло в первую очередь внутреннюю политику правительства. Этот пост остался за ним и тогда, когда он сменил И. Л. Горемыкина на посту председателя Совета министров. Произошло это уже через 72 дня. И здесь судьба Думы и Столыпина оказались полностью взаимосвязаны. Ее роспуск и его назначение на пост премьера произошло в один и тот же день – 8 июля 1906 г.

Именно с этого момента начинается стремительный взлет Столыпина. Взятый им курс в аграрном вопросе, жесткое подавление революции, вызывающе провокационные речи во второй Думе с угрозами в адрес ее левой части в короткое время делают его кумиром всех ненавистников революции, начиная от крайне правых и кончая октябристами. Престиж его при дворе, во влиятельнейших дворянских кругах, Государственном совете, в самом правительстве очень высок. Теперь он мог более-менее спокойно приняться за осуществление своих реформ, в частности, главной из них – аграрной.

Спустя 12 дней, 24 августа 1906 г., после покушения на Столыпина было опубликована правительственная программа, состоявшая из двух частей – репрессивной и реформистской¹²³. «Правительство, не колеблясь, противопоставит насилию силу», – говорилось в ней. В местностях, объявленных на военном положении и положении чрезвычайной охраны, вводились военно-полевые суды. В центре реформистской части программы был знаменитый указ

---

¹¹⁹ Зырянов П. Н. Указ. соч. С. 12.

¹²⁰ Там же, с. 13.

¹²¹ Дьяков И. Забытый исполин // Наш современник. 1990. N 3. С. 21–29.

¹²² Аврех А. Я. П. А. Столыпин и судьба реформ в России. М., 1991. С. 16.

¹²³ Там же, с. 21.

9 ноября 1906 г. о выводе из общины с сопутствующими этому законами¹²⁴. Именно с этими двумя составляющими – столыпинской аграрной политикой и «столыпинскими галстуками», как была прозвана виселица, – у современников в первую очередь и ассоциировался новый глава правительства.

Вторая Государственная дума избиралась Столыпиным как испытательный полигон для проводимого им курса. Но если в прежней Думе Столыпин, памятуя об обстановке в стране, пытался хотя бы внешне демонстрировать лояльность и даже заинтересованность в сотрудничестве с «народным представительством», то теперь тон резко изменился. Премьер явно провоцировал Думу на открытые конфликты с правительством, приближая час ее разгона. Вторая Дума начала свою работу 20 февраля 1907 г., а уже 6 марта Столыпин выступил перед ней с правительственной программой реформ. Список открывал указ 9 от ноября и другие аграрные мероприятия¹²⁵.

Указ от 9 ноября трактовался как выбор между крестьянином-безземельником и крестьянином-хозяином в пользу последнего. «Всегда были и будут тунеядцы, – решительно заявил премьер, – но не на них должно ориентироваться государство: только право способного, право даровитого создало и право собственности на Западе. Правительство желает видеть крестьянина богатым, достаточным, т. к. где достаток, там, конечно, и просвещение, там и настоящая свобода. Способный, трудолюбивый крестьянин – соль земли русской и поэтому его надо поскорее освободить от тисков общины, передав ему землю в неотъемлемую собственность»¹²⁶.

Чтобы подчеркнуть генеральное значение избранного курса и твердую решимость превратить его в жизнь, Столыпин закончил свою речь фразой, которая, конечно, была заготовлена заранее: «Противникам государственности, конечно, хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!»¹²⁷. Из всех крылатых фраз Столыпина эта, как показало время, в его ораторском арсенале оказалась лучшей и наиболее политически эффективной. Чтобы Столыпину ничего не мешало в проведении его реформ – главным образом аграрных, 3 июня 1907 г. был подготовлен указ о роспуске второй Думы. Одновременно с Манифестом от 3 июня 1907 г. о ее роспуске было опубликовано Положение о выборах в Думу, т. е. новый избирательный закон. В Манифесте указывался также и срок открытия новой Думы – 1 ноября 1907 г.¹²⁸

Этот акт можно справедливо назвать государственным переворотом: он был совершен в нарушение Манифеста от 17 октября 1907 г. и Основного закона 1906 г., согласно которому ни один новый закон не мог быть принят без санкции Государственной думы.

Социально-политический смысл акта 3 июня сводился к тому, что Дума «крестьянская» превращалась в Думу «господскую». Это было достигнуто путем коренного перераспределения квот выборщиков в пользу помещиков и буржуазии за счет крестьян и рабочих, лишения избирательных прав целых народов и территорий, уменьшения общего числа членов Думы с 524 до 442 и других ограничений.

Сам Столыпин в интервью проправительственному журналу «Волга» заявил, что установленный строй есть «чисто русское государственное устройство, отвечающее историческим преданиям и национальному духу» и что Думе ничего не урвать из царской власти¹²⁹.

---

¹²⁴ Аврех А. Я. Указ. соч. С. 22.

¹²⁵ Там же, с. 24.

¹²⁶ Там же, с. 23–24.

¹²⁷ Столыпин А. Указ. соч. С. 51.

¹²⁸ Рыбас С. Реформатор: жизнь и смерть Петра Столыпина. М., 1991. С. 55.

¹²⁹ Столыпин А. Указ. соч. С. 60.

В Думе образовалось проправительственное большинство, состоящее из «октябристов» во главе с Гучковым, которое являло собой «центр». В зависимости от необходимости, «октябристы» консолидировались то с «правыми», то с «левыми» фракциями. Так была создана третьиунская система с двумя большинствами в Думе, где первому большинству – «правому» отводилась охранительная роль, а второе должно было осуществить тот пакет либеральных «реформ», который был выработан Столыпиным. Это типично бонапартистская система, «специально рассчитанная на использование, в очень широких пределах, антагонизма либеральной буржуазии и помещичьей реакционности при гораздо более глубоком общем их антагонизме со всей демократией и с рабочим классом в особенности»¹³⁰.

Теперь Столыпин мог взяться за осуществление своих реформ. Просто сказать, что указ от 9 ноября 1906 г. был главным делом жизни Столыпина, – значит не сказать ничего. Это был символ веры, великая и последняя надежда, одержимость, его настоящее и будущее – великое, если реформа удастся; катастрофическое, если ее ждет провал. «Крепкое, проникнутое идеей собственности, богатое крестьянство, – говорил Столыпин в особом секретном журнале Совета министров от 13 июня 1907 г., – служит везде лучшим оплотом порядка и спокойствия; если бы правительству удалось проведением в жизнь своих землеустроительных мероприятий достигнуть этой цели, то мечтам о государственном и социалистическом перевороте в России раз и навсегда был бы положен конец»¹³¹.

Необходимо отметить, что Столыпин не являлся единоличным творцом нового аграрного курса. Столыпинская аграрная реформа настолько совпадала с аграрной программой Совета объединенного дворянства, что все тогдашние политические наблюдатели, от кадетов до большевиков, подчеркивали это родство. Кадет А. С. Изгоев отмечал, что программа Столыпина – это программа «объединенных дворян»¹³². Идея мелкого крестьянского землевладения как антитеза общинному возникла и стала распространяться как в правительственных, так и в дворянских кругах еще до революции. Это была ведущая идея Витте и возглавляемого им «Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности». Именно она послужила причиной закрытия «Совещания». Понадобился опыт революции и первых двух Дум, чтобы режим понял, что ставка на крестьянский консерватизм и общину бита.

И. Чернышев в сборнике «Крестьянин об общине» накануне 9 ноября 1906 г. опубликовал результаты опроса крестьян, проведенного Смоленской губернской земской управой в 1902 г. Из 186 крестьян, отвечавших на вопрос об общине, 68 высказались за нее, против – 118. «Общинное землевладение – тюрьма сельского хозяйства», – гласил один из ответов. «Здесь все добрые примеры улучшения земледелия невозможны», – сообщал другой. «Нигде нет такого поглощения слабого сильным, как в общине», – говорил третий¹³³.

Столыпин действительно первоочередной задачей своей реформы сделал разрушение общины. Предполагалось, что первый ее этап, чересполосное укрепление наделов отдельными домохозяевами, нарушит единство крестьянской общины. Крестьяне, имеющие земельные излишки своих наделов, могли образовать группу, на которую правительство рассчитывало опереться. Столыпин говорил, что таким способом он хочет «вбить клин» в общину¹³⁴. После этого предполагалось приступить ко второму этапу – разбивке всего деревенского надела на отруба, или хутора. Последние считались идеальной формой землевладения еще и в том смысле, что крестьянам, рассредоточенным по хуторам, было очень трудно поднимать мятежи.

---

¹³⁰ Ленин В. И. Столыпин и революция. Полн. собр. соч., М., 1959. Т. 20, С. 325.

¹³¹ Столыпин А. Указ. соч. С. 69.

¹³² Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 102.

¹³³ Столыпин: жизнь и смерть. Саратов, 1991. С. 39.

¹³⁴ С. Рыбас. Указ. соч. С. 107.

«Совместная жизнь крестьян в деревнях облегчала работу революционерам», – писала дочь Столыпина, М. П. Бок, явно со слов своего отца¹³⁵.

Что же должно было появиться на месте разрушенной общины? Узкий слой сельских капиталистов, как полагали советские историки, или широкие массы процветающих фермеров, как считают нынешние историки? Можно сказать, что первое не предлагалось, а второе не получилось. Не получилось вследствие сохранения помещичьих латифундий. Переселение в Сибирь и продажа земель через Крестьянский банк не решали проблемы крестьянского малоземелья. Сосредоточения же земли в руках кулаков не хотело само правительство, ибо в результате этого должна была разориться масса крестьян. Не имея средств пропитания в деревне, они хлынули бы в город. Промышленность, до 1910 г. находившаяся в депрессии, не смогла бы справиться с наплывом рабочей силы в таких масштабах. Это грозило новыми социальными потрясениями.

Для доказательства того, что указ от 9 ноября 1906 г. был издан с целью укрепления немногочисленной деревенской верхушки, часто используется речь Столыпина в Думе, где он говорил о том, что правительство сделало «ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных». Эти слова обычно вырываются из контекста речи и подаются вне связи с теми обстоятельствами, при которых они были сказаны.

5 декабря 1908 г., когда была произнесена эта речь, третья Дума уже приняла законопроект в первом чтении. Лидер фракции кадетов П. Н. Милюков вспоминал: "Шло постатейное обсуждение, и возник вопрос, признавать ли укрепленные участки личной или семейной собственностью. Настроение Думы заколебалось под воздействием многочисленных известий о том, что некоторые домохозяева пропивают укрепленные наделы и пускают по миру свои семейства. Но создание семейной собственности вместо общинной не устраивало Столыпина, ибо большая семья напоминала ему общину. На месте разрушенной общины, полагал он, должен быть мелкий собственник. Видя угрозу одному из главных положений своей реформы, Столыпин решил вступить в прения.

"Проживание наделов, – доказывал он в своей речи, – это исключительное явление, удел «слабых». Нельзя создавать общий закон ради исключительно уродливого явления, нельзя убивать этим кредитоспособность крестьянина, нельзя лишать его веры в свои силы, надежд на лучшее будущее, нельзя ставить преграды обогащению сильного для того, чтобы слабые разделили с ним его нищету. Для борьбы с уродливыми явлениями надо создавать специальные законы, устанавливая опеку за расточительность, но при выработке общих законодательных мер надо «иметь в виду разумных и сильных, а не пьяных и слабых». Заканчивая эту мысль, он выразил уверенность, что «таких сильных людей в России большинство»¹³⁶.

Из всего этого отнюдь не вытекает, что «разумными и сильными» Столыпин считал лишь богатых крестьян, а «пьяными и слабыми» – всех остальных. Любители выпить есть среди всех социальных слоев, и именно этих людей клеймил в своей речи премьер. Крепкий, работающий собственник, по замыслу Столыпина, должен был формироваться на основе широких слоев зажиточного и среднего крестьянства. Он считал, что дух предприимчивости, освобожденный от стеснений со стороны общины и семьи, в короткое время способен преобразовать даже весьма жилое хозяйство середняка. Каждый должен стать «кузнецом своего счастья»¹³⁷ (слова Столыпина из той же речи), и каждый такой «кузнец» мог рассчитывать лишь на крепость своих рук и рук своих ближних, ибо сколь-нибудь значительной помощи со стороны на переустройство хозяйства на предполагалось (финансовое обеспечение реформы было одним из ее

---

¹³⁵ Зырянов П. Н. Указ. соч. С. 21.

¹³⁶ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 289.

¹³⁷ Там же, с. 291.

слабых мест). Ставка делалась почти исключительно на «дух предприимчивости», что показывает, что и Столыпин, при всей своей практичности, волей или неволей бывал идеалистом.

В идеале же получалось вот что: из общины выходила в основном беднота, а также городские жители, вспомнившие, что в давно покинутой деревне у них есть надел, который теперь можно продать. Огромное количество земель чересполосного укрепления шло в продажу. В 1914 г., например, было продано 60 % площади укрепленных к этому году земель¹³⁸. Чаще всего покупали землю зажиточные крестьяне, которые, кстати говоря, сами не всегда спешили с выходом из общины. В руках одного и того же хозяина оказывались земли укрепленные и общественные. Не выходя из общины, он в то же время имел и укрепленные участки. Свидетель и участник всей этой перетряски еще мог помнить, где какие у него полосы. Но уже во втором поколении должна была начаться такая путаница, в которой не в силах был бы разобраться не один суд.

Нечто подобное имело уже место после реформы 1861 г., когда досрочно выкупленные, по реформе, наделы сильно нарушали единообразие землепользования в общине¹³⁹. Но потом они стали постепенно подравниваться. Поскольку столыпинская реформа не разрешила аграрного вопроса и земляное утеснение продолжало возрастать, неизбежна была новая волна переделов, которая должна была смести очень многое из наследия Столыпина. И действительно, земельные переделы, в разгар реформы почти заглохшие, с 1912 г. снова пошли по восходящей.

Многие крестьяне сопротивлялись переходу на хутора и отруба не по темноте своей и невежеству, как считали власти, а исходя из здравых жизненных соображений. Крестьянское земледелие очень зависело от климата. Имея полосы в разных частях общественного надела, крестьянин обеспечивал себе ежегодный средний урожай: в засушливый год выручали полосы в низинах, в дождливый – на взгорках. Получив надел в одном отрубе, крестьянин оказывался во власти стихии. Только большой отруб, расположенный в разных рельефах, мог гарантировать ежегодный средний урожай.

Вообще, во всей этой затее с хуторами и отрубам было много надуманного. Сами по себе хутора и отруба не обеспечивали подъем крестьянской агрокультуры, и преимущества их перед чересполосной системой хозяйства, по существу, не доказаны. «Нигде в мире не наблюдалось такого практического опыта, – пишет американский историк Дж. Ейни, – который бы показал, что соединенные в одно целое поля принесли с собой агрокультурный прогресс, и некоторые современные исследователи крестьянской агрокультуры фактически отрицают подобную причинно-следственную связь»¹⁴⁰.

Абстрактность замысла столыпинской аграрной реформы в значительной мере объяснялась тем, что ее сочиняли люди, плохо знавшие русскую деревню. За два года пребывания в Саратове Столыпин не мог, конечно, узнать ее достаточно хорошо. Ближайшим его сподвижником в проведении реформы был А. В. Кривошеин. «Он был талантлив, энергичен, чрезвычайно импульсивен и обладал счастливой способностью улавливать, в какую сторону дует ветер», – вспоминал о нем А. А. Кофод, служивший под его началом¹⁴¹. Витте, считавший Кривошеина «величайшим карьеристом», отмечал, что в 1905 г. он был еще сторонником общины, но после крутого поворота правительственной политики резко изменил свои взгляды¹⁴². Главный правительственным теоретиком по землеустройству был датчанин А. А. Кофод. В Россию он приехал в возрасте 22 лет, ни слова не зная по-русски, и затем долго жил в небольшой датской колонии под Псковом.

---

¹³⁸ Дубровский С. М. Указ. соч. С. 121.

¹³⁹ Рыбас С. Указ. соч. С. 113.

¹⁴⁰ Зырянов П. Н. Указ. соч. С. 24.

¹⁴¹ Зырянов П. Н. Указ. соч. С. 25.

¹⁴² Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. С. 202.

Несмотря на все старания правительства, хутора приживались только в некоторых западных губерниях, включая Псковскую и Смоленскую. Отруба, как оказалось, подходили лишь для губерний Северного Причерноморья, Северного Кавказа и степного Заволжья. Отсутствие сильных общинных традиций здесь сочеталось с высоким уровнем развития аграрного капитализма, исключительным плодородием почвы, ее однородностью на очень больших пространствах и весьма низким уровнем агрокультуры. Только при таких условиях переход на отруба происходил более или менее безболезненно и быстро приносил пользу.

Итоги столыпинской реформы выражаются в следующих цифрах. К 1 января 1916 г. из общины в чересполосное укрепление вышло 2 млн. домохозяев. Им принадлежало 14,1 млн. дес. земли. 469 тыс. домохозяев, живших в беспердельных общинах, получили удостоверительные акты на 2,8 млн. дес. 1, 3 млн домохозяев перешли к хуторскому и отрубному владению (12,7 млн дес.). По приблизительным подсчетам, всего из общины вышло около 3 млн. домохозяев, что составляет примерно 1/3 часть от общей их численности в тех губерниях, где проводилась реформа. Впрочем, некоторые земледельцы фактически давно уже забросили земледелие. Выходили из общины и переселенцы, отправлявшиеся в Сибирь. Таковых было около 16 % от общего числа домохозяев, вышедших из общины. Из общинного оборота было изъято 22 % земель. Около половины их пошло на продажу¹⁴³. В конечном счете, властям не удалось ни разрушить общину, ни создать устойчивый и массовый слой крестьян-собственников. Так что можно говорить об общей неудаче столыпинской аграрной реформы.

Вместе с тем известно, что после окончания революции 1905–1907 гг. и до начала Первой мировой войны положение в русской деревне заметно улучшилось. Но нельзя в целом связывать это улучшение с проведением аграрной реформы. Здесь действовали другие платежи. Это было большим облегчением для крестьян. Во-вторых, наблюдался рост мировых цен на зерно. От этого кое-что перепало и простым крестьянам. В-третьих, за годы революции сократилось помещичье землевладение, в связи с чем уменьшились и кабальные формы эксплуатации. Наконец, в-четвертых, за весь период был только один неурожайный год (1911), но зато подряд два года (1912–1913) были очень хорошие урожаи¹⁴⁴. Что касается аграрной реформы, то эта была настолько широкомасштабная реформа, потребовавшая столь значительной земельной перетряски, что она никак не могла сказаться положительным образом в первые же годы, даже если бы впоследствии имела успех.

3. ДРУГИЕ РЕФОРМЫ

Как уже говорилось выше, 6 марта 1907 г. Столыпин выступил перед второй Думой с программой своих реформ. Помимо аграрных мероприятий, программа включала в себя и другие реформы. Несколько законопроектов касались свободы совести (переход из одного вероисповедания в другое, беспрепятственное «богомоление», закон о старообрядческих общинах и т. д.). Были обещаны законопроекты о неприкосновенности личности и введении волостного земства; рабочим – профессиональные союзы и государственное страхование, стране в целом – реформа образования. Большое значение в программе придавалось «возрождению» боевой мощи армии и флота, утраченной в Русско-японскую войну¹⁴⁵. Вся остальная часть программы была в том же духе.

Столыпин твердо дал понять, что режим не намерен делиться своей властью с «народным представительством». Об этом свидетельствовали заключительные фразы речи. Заявив, что «правительство для реализации этой программы готово совместно с законодательными

---

¹⁴³ Аврех А. Я. Указ. соч. С. 93.

¹⁴⁴ Зырянов П. Н. Указ. соч. С. 26.

¹⁴⁵ Столыпин А. Указ. соч. С. 12–13.

учреждениями приложить величайшие усилия», оратор пояснил, какое правительство он имеет в виду: «правительство, которое хранит исторические заветы России», т. е. самодержавно-монархическую власть; «правительство, которое восстановит в ней порядок и спокойствие, т. е. стойкое и чисто русское правительство, каковым должно быть и будет правительство его величества»¹⁴⁶.

Одним из вопросов, наиболее занимавших П. А. Столыпина, помимо аграрного, был национальный вопрос. Он выразился в законе о западном земстве. В ряде губерний Западного края – Витебской, Минской, Могилевской, Киевской, Волынской, Подольской, где подавляющая часть населения была русской, в Государственный совет избирались только поляки, численность которых составляла всего 2–3 % от общего числа населения.

В связи с этим профессор Д. И. Пихно внес законопроект о реформе выборов в Государственный совет от Западного края. Проект Пихно, правого деятеля, редактора газеты «Киевлянин», отчима В. В. Шульгина, нес в себе по меньшей мере три составляющих. Профессор предлагал выделить поляков в общую курию, а большинство мест предоставить русским. Во-первых, это нарушало принцип равенства национальностей. Во-вторых, поскольку фактически большинство крупных помещиков в крае были именно поляки, то избрание на их место в верхней палате русских означало бы ущемление прав аристократии. В-третьих, такая мера означала бы, что русское население нуждается в защите¹⁴⁷.

В Государственном совете предложение Пихно не нашло поддержки. Бывший обер-прокурор Синода князь А. П. Оболенский сказал: «Основное начало нашей государственности заключается в том, что в Российской монархии есть русский царь, перед которым все народы и все племена равны. Государь император выше партий, национальностей, групп и сословий»¹⁴⁸. Тем не менее у Столыпина была другая точка зрения. Он поддерживал проект Пихно, бросив вызов большинству членов Государственного совета. Почему же он так отстаивал эту точку зрения?

На Западе, где Россия держала стратегическую оборону, положение русских отличалось от положений во внутренних губерниях тем, что там русские соперничали (мирно, надо отметить) с другими народами. При столыпинской перемене курса несоответствие демократизации жизни и подчеркнуто аристократически узконациональной практики выборов в Западном крае бросалось в глаза. Русские явно становились людьми «второго сорта», и подобное положение нельзя было терпеть.

Столыпин говорил (7 мая 1910 г.): "Западные губернии, как вам известно, в XIV столетии представляли из себя сильное литовско-русское государство. В XVIII столетии край этот перешел опять под власть России, с ополяченным и перешедшим в католичество высшим классом населения и с низшим классом, поработанным и угнетенным, но сохранившим вместе со своим духовенством преданность православию и России. В эту эпоху русское государство было властно вводить свободно в край русские государственные начала. Мы видим Екатерину Великую, несмотря на ее гуманность, водворяющую в край русских землевладельцев, русских должностных людей, вводящую общие учреждения, отменяющую Литовский статус и Магдебургское право.

Но не так думали ее преемники. Они считали ошибкой государственное воздействие на благоприятное в русском смысле разрешение процесса, которым бродил Западный край в течение столетия, процесса, который заключался в долголетней борьбе начал русско-славянских и польско-латинских". Столыпин открыто призвал к защите русских государственных интере-

---

¹⁴⁶ Там же, с. 25.

¹⁴⁷ Рыбас С. Указ. соч. С. 180–181.

¹⁴⁸ Там же, с. 181.

сов: «Необходимо дать простор местной самодеятельности, поставить государственные грани для защиты русского элемента, который иначе неминуемо будет оттеснен»¹⁴⁹.

Для решения этого вопроса он предложил создать национальные избирательные курии – русскую и польскую. Через неделю в короткой речи в Думе Столыпин снова возвращается к этой теме и подчеркивает, что больше всего боится «равнодушия закона к русским»¹⁵⁰. Законопроект был принят со значительными поправками, но сохранился принцип курий и понижение имущественного ценза. Как ни странно, спустя 90 лет, в наши дни русские в прибалтийских республиках тоже требуют для защиты своих интересов создания отдельных избирательных курий. Это бесспорно свидетельствует, что мы в понимании национальной государственной идеи не продвинулись никуда дальше прошлого.

Что же еще из задуманного осуществил П. А. Столыпин? Думой народного образования называли третью Думу. Бесплатное начальное образование, как пишет А. И. Солженицын в очерке о Столыпине, уже широко пошло в 1908 г. и должно было осуществиться как всеобщее к 1922 г. Было установлено ежегодное увеличение кредитов на народное образование на 20 млн рублей, половина из которых шла на постройку новых школ, остальное – на их содержание. К 1914 г. расходы государства, земств и городов на народное образование составили почти 300 млн рублей. Минимальное вознаграждение учителей составило 360 рублей (в сельской местности)¹⁵¹.

В декабре 1907 г. был внесен на обсуждение Думы законопроект о страховании рабочих. Его принимали в 1912 г., уже после смерти автора проекта. Врачебная помощь рабочим теперь предоставлялась за счет владельца предприятия, он же нес материальную ответственность за охрану их труда. Отношения рабочих и владельцев Столыпин предоставил решать им самим. Правительство лишь гарантировало им право бастовать и создавать профсоюзы¹⁵². Для Столыпина главным во всех реформах было народное осознание. «После горечи перенесенных испытаний Россия, естественно, не может не быть недовольной, – говорил он в Думе. – Она недовольна не только правительством, но и Государственной думой и Государственным советом, недовольна и правыми партиями, и левыми партиями. Недовольство это пройдет, когда выйдет из смутных очертаний, когда образуется и укрепится русское государственное самосознание, когда Россия почувствует себя опять Россией»¹⁵³.

«За его словами никогда не стояла пустота», – признавал через много лет даже враг Столыпина А. Ф. Керенский¹⁵⁴. «Было время, когда либерально-просвещенные круги русского общества, увлеченные организацией и устройством мелкой земской единицы, страстно этого добивались, а дореформенные административные власти всеми силами этому противодействовали, – вспоминал А. И. Гучков. – Столыпин внес эти законопроекты в законодательные учреждения»¹⁵⁵.

Планировал Столыпин воссоздать и разрушенный после Русско-японской войны флот. В заседании комиссии по государственной обороне 3 марта 1908 г. он доказывал необходимость воссоздания флота: "Долг моей совести – сказать вам, что после того, как вы откажете в деньгах на флот, Россия выйдет в международном положении преуменьшенной. Никаких пышных фраз произносить я не желаю, но в данную минуту мне припоминаются слова, ска-

¹⁴⁹ Столыпин А. Указ. соч. С. 70.

¹⁵⁰ Там же, с. 72.

¹⁵¹ Солженицын А. И. Красное колесо. М., 2002. Т. 2. С. 201.

¹⁵² Столыпин: жизнь и смерть. Саратов, 1991. С. 60.

¹⁵³ Там же, с. 61.

¹⁵⁴ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте // Вопросы истории. 1990. N 6. С. 20.

¹⁵⁵ Столыпин: жизнь и смерть. Саратов, 1991. С. 63.

занные создателем русского флота, Петром Великим. Эти слова нам нужно надолго запомнить. Вот они: «Промедление времени смерти безвозвратной подобно»¹⁵⁶.

Вторично защищал Столыпин дело воссоздания флота на заседании Думы 24 мая 1908 г. Постепенно дело воссоздания флота сдвинулось с мертвой точки и начало развиваться. 12 августа 1911 года, буквально перед самым убийством Столыпина, Совет министров под председательством Столыпина обсудил вопрос о строительстве Черноморского флота. На это дело законодательными учреждениями было отпущено 102 млн рублей. Решено было построить 3 броненосца типа дредноут, 9 эскадронных миноносцев и 6 подводных лодок. Заказы были распределены между обществом русских заводов и обществом частных николаевских судостроительных заводов. Остается добавить, что процесс воссоздания российского флота рассчитывался на длительный срок, впрочем, как и все реформы Столыпина. В частности, процесс переоборудования и воссоздания новых кораблей на Балтийском море планировалось завершить только к 1930 г.¹⁵⁷

Планировал Столыпин провести и очень прогрессивный по тем временам закон по преобразованию системы местного самоуправления. Действовавшая в России система местного управления основывалась на сословных началах. Сельское и волостное управление было сословно-крестьянским, а уездная администрация находилась в руках местных дворян. Получалось, что одно сословие накладывалось на другое, одно сословие руководило другим. Столыпин планировал ввести бессословную систему управления. Если раньше помещик был над мужиком, то теперь Столыпин хотел посадить их рядом в волостном правлении¹⁵⁸.

Кроме этого, Столыпин касался и вопроса об иностранных займах. Брать иностранные займы предполагалось лишь первое время и только на общегосударственные нужды – исследования недр, строительство железных и шоссейных дорог. Намечались сроки полного отказа от иностранных займов. Планировалось создание министерства труда и министерства национальностей. Кстати, к 1923 г. намечалось предоставить независимость Польше, а предварительно разрешить национальные противоречия в Западном крае¹⁵⁹.

Многое задумывал осуществить П. А. Столыпин. «Дайте только 20 спокойных лет – и вы не узнаете России», – говорил премьер. Так это или не так, нам не дано узнать. 1 сентября 1911 г. он был смертельно ранен в Киеве. Один из наиболее ярких премьер-министров России унес с собой большинство своих планов и начинаний. Многие предусматривала посмертная программа Столыпина, проект которой исчез из его письменного стола в Ковенском имении сразу после убийства автора.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отвечая на вопрос о том, в чем же причина особого интереса к фигуре Столыпина, мы можем сказать, что она заключается не только в его личной судьбе и драматизме сопровождавших ее событий. Деятельность Столыпина тесно связана с вопросом о том, каково значение столыпинского курса и почему не состоялся курс реформ. Многие исследователи считают, что помешали осуществиться столыпинским реформам не объективные факторы, а ограниченность и слепота царизма, верхов, распутинщина. Сами же реформы были столь значительны, что, увенчавшись они успехом, никакой революции не было бы.

Во многом ответ на вопрос о судьбе своих реформ давал сам Столыпин. Выступая с трибуны еще первой Думы 8 июня 1906 г., тогдашний министр внутренних дел России Столыпин

---

¹⁵⁶ Столыпин А. Указ. соч. С. 36.

¹⁵⁷ Столыпин А. Указ. соч. С. 40.

¹⁵⁸ Столыпин: жизнь и смерть. Саратов, 1991. С. 63.

¹⁵⁹ Рыбас С. Указ. соч. С. 191–192.

заметил: «Нельзя сказать человеку: у тебя старое кремневое ружье; употребляя его, ты можешь ранить себя и посторонних, брось ружье». На это честный человек ответит: «Покуда я на посту, покуда мне не дали нового ружья, я буду стараться умело действовать старым»¹⁶⁰

---

¹⁶⁰ Столыпин А. Указ. соч. С. 4.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.